

Зоден Ф.Ю.

Воспоминания вюртембергского офицера о его пребывании в плену в Пензенской губернии

Первая публикация: Зоден Ф.Ю. Воспоминания вюртембергского офицера о его пребывании в плену в Пензенской губернии / Подготовка публикации, предисловие, перевод и комментарии к.и.н., доцента С. В. Белоусова.– Пенза: ПГПУ, 2006.– 64 с.

ОГЛАВЛЕНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ	2
Ф.Ю. ЗОДЕН_ВОСПОМИНАНИЯ ВЮРТЕМБЕРГСКОГО ОФИЦЕРА_О ЕГО ПРЕБЫВАНИИ В ПЛЕНУ В ПЕНЗЕНСКОЙ ГУБЕРНИИ.....	8
КОММЕНТАРИИ.....	30

Web-публикация – военно-исторический проект Адъютант!
<http://adjutant.ru/captive/index.htm>

Веб-публикация дополнена иллюстрацией: *Ежов А. Офицер вюртембергской пехоты, 1812 год, 2009.* (Показан 7-й линейный полк. 4-й линейный полк имел розовый приборный цвет)

ПРЕДИСЛОВИЕ

[стр.3] С июня 1813 по январь 1814 г. в Пензенскую губернию прибыло на жительство в общей сложности 648 военнопленных армии Наполеона. Среди них было 14 штаб-, 169 обер-офицеров и приравненных к ним чиновников, 451 «нижний чин». Кроме того, с пленными находились 12 женщин (солдатские жены) и 2 ребенка (солдатские дети). Военнопленные были размещены не только в Пензе, но и в уездных городах – Краснослободске, Саранске, Мокшане, Городище, Чембаре и Керенске¹. Пленные, прибывшие на жительство в Пензенскую губернию, являлись представителями различных национальностей. На основании именных списков военнопленных, которые подавались на имя пензенского гражданского губернатора, удалось выяснить, что среди них было 398 французов, 45 кроатов, 42 итальянца, 38 баденцев, 26 вюртембергцев, по 25 вестфальцев и голландцев, 19 баварцев, 9 швейцарцев, 6 далматов, 5 бергцев, 3 крайнца, франкфуртец, гессенец, истриянец и триестец. Национальную принадлежность еще троих установить не удалось.

Интересно отметить, что пятеро военнопленных Великой армии оставили свои воспоминания о пребывании в Пензенской губернии. Это обер-лейтенант вюртембергского 2-го полка линейной пехоты Х.Л. Йелин (Yelin)², обер-лейтенант вюртембергского 4-го полка линейной пехоты Ф.Ю. Зоден (von Soden)³, обер-лейтенант баварского 5-го полка линейной пехоты Ф.В. Фюртенбах (Fürtenbach)⁴, обер-лейтенант баварского 4-го полка линейной пехоты Й.-Б. Нагель (de Nagel)⁵ и сержант вестфальского егерско-карабинерного батальона А. Флек (Fleck)⁶. Все они были [стр.4] выходцами из различных немецких государств (двое из королевства Вюртемберг, двое из королевства Бавария и один из королевства Вестфалия). Четверо являлись обер-офицерами полков линейной пехоты, один – сержантом егерско-карабинерного батальона. Х.Л. Йелин и Ф.Ю. Зоден прибыли в Пензенскую губернию с партией военнопленных в июне 1813, Ф.В.Фюртенбах – в августе 1813, Й.-Б. Нагель – в начале ноября 1813 г. Когда в губернию прибыл А.

¹ См.: Белоусов С.В. К вопросу определения численности военнопленных армии Наполеона в Пензенской губернии // Политическая жизнь Западной Европы: античность, средние века, новое время.– Арзамас: АГПИ, 2004.– С.165-173.

² Yelin Ch. In Russland 1812.– München,1911; фон Иелин. Записки офицера армии Наполеона.– М., 1912; фон Иелин. Записки офицера армии Наполеона // Роос Г. С Наполеоном в Россию.– М.: ООО «Наследие», 2003.– С.158-205.

³ Soden F. Memoiren aus russischen Kriegsgefangenschaft von zwei deutschen Offizieren.– Regensburg,1831-1832.– Bd.1-2.

⁴ Fürtenbach F. Aufzeichnungen.– Nürnberg-Leipzig,1912.

⁵ Краткое содержание записок Й.-Б.Нагеля содержится в: Vangerow Н.Н. Kriegsgefangenschaft anno 1812/13 in Rußland Oberlieutenant Johann Baptiste Nagel // Regensburger Almanach.– 1993.– Bd.26.– S.248-257.

⁶ Fleck A. Beschreibung meiner Leiden und Schicksale während Napoleons Feldzuge und meiner Gefangenschaft in Russland.– Hildesheim,1845.

Флек выяснить не удалось. Двое (Йелин и Зоден) были определены на жительство в Саранск, один (Фюртенбах) находился в Краснослободске, еще двое (Нагель и Флек) проживали в Пензе.

До последнего времени воспоминания военнопленных Великой армии практически не привлекались исследователями для решения различных проблем местной истории. Исключение составляют, разве что, записки Х.Л.Йелина, которые были переведены на русский язык еще в начале XX в. и известны краоведам. Между тем, мемуарные источники весьма информативны и позволяют рассмотреть многие аспекты политического, социально-экономического и культурного развития Пензенской губернии начала XIX в.

Чтобы восполнить существующий источниковедческий пробел, вниманию читателей предлагается перевод небольшого отрывка из воспоминаний вюртембергского офицера Ф.Ю. Зодена, в котором автор рассказывает о своем пребывании в Пензенской губернии. Для начала перевода был выбран эпизод, повествующий о получении военнопленными того транспорта, где находился Ф.Ю. Зоден, приказа о выступлении из Тамбова в Пензу. Рассказ же Ф.Ю. Зодена мы завершаем теми событиями, когда военнопленные Рейнского союза, покинув пределы Пензенской губернии после своего освобождения из плена, вновь достигают Тамбова.

Несколько слов об авторе записок. Франц Юлиус фон Зоден (Julius von Soden) (ум. 1861) – обер-лейтенант вюртембергского 4-го полка линейной пехоты 25-й пехотной (вюртембергской) дивизии 3-го армейского корпуса маршала Нея. Когда из-за сокращения численности вюртембергской пехоты 2-3 сентября 1812 г.⁷ всю дивизию свели в один Временный пехотный полк, Ф.Ю. Зоден оказался во 2-м временном батальоне. В его составе он принял участие в Бородинском сражении, [стр.5] где вюртембержцы храбро сражались у Багратионовых флешей, за что в Москве получили от Наполеона 33 креста Почетного Легиона⁸. Ф.Ю. Зоден попал в плен 10 декабря 1812 г., находясь в госпитале в Вильно. Его имя в списке немецких офицеров, нашедших убежище в этом госпитале, упоминает Х.Л.Йелин⁹. 7 апреля 1813 г. Ф.Ю. Зоден отправился с транспортом военнопленных из Вильно вглубь России. 19 апреля пленники достигли Минска, где оставались более недели. 27 апреля транспорт вышел из Минска. 5 мая военнопленные прибыли в Бобруйск, 10 июня – в Липецк, 12-го – в Тамбов, 29 июня – в Пензу. Вместе с некоторыми другими военнопленными Ф.Ю. Зодену определили на жительство уездный город Саранск, в котором он и пробыл с 18 июля по 20 декабря 1813 г. После получения предписания об освобождении пленники покинули Саранск и 27 декабря вновь прибыли в Пензу. 8 января 1814 г.

⁷ Все даты в Предисловии и переводе текста записок Ф.Ю.Зодена приводятся по григорианскому календарю.

⁸ См.: Васильев А.А., Попов А.И. Война 1812 г. Хроника событий. Grande Armee. Состав армии при Бородино.– М.: «Рейтарт», 2002.– С.17-18.

⁹ фон Иелин. Записки офицера армии Наполеона // Роос Г. С Наполеоном в Россию.– М., 2003.– С.176.

большой транспорт военнопленных Рейнского союза, в котором был и Ф.Ю. Зоден двинулся в обратный путь. 16 января транспорт достиг Тамбова, и далее через Воронеж – Орел – Могилев – Бобруйск – Гродно – Белосток военнопленные покинули пределы России.

Чем же интересны воспоминания пленного вюртембергского офицера, волей судьбы заброшенного в тихий уездный городок Пензенской губернии? Прежде всего, его записки – это некий взгляд со стороны, восприятие человеком иной, западноевропейской культуры реалий провинциальной жизни в России. В этом отношении несомненный интерес для историков в целом, и пензенских краеведов в частности, представляют описания губернского центра и уездных городов, сел и деревень, нравов и обычаев местного населения, зарисовки повседневной жизни, характеристика дворян и местных чиновников. Вот как, например, Ф.Ю. Зоден описывает непрехотливое, не отличающееся большим разнообразием питание жителей Саранска: *«Русские жили довольно просто. Их питание состояло из капусты, пшена и творога. Мясо на обеденном столе горожан появлялось редко. Кроме водки пили особенно много чая, который бедные сословия подслащали сиропом или медом»*¹⁰. А вот как в его [стр.6] восприятии выглядела церковная служба: *«Богослужение в церквях Саранска было простым и чаще всего состояло из одних молитв, в которых отдельные строфы, как причитания, постоянно повторялись собравшимися. Например, «Господи, помилуй!» (Gospodin, pomiluj)»*¹¹.

Большое место в своих записках Ф.Ю. Зоден уделяет описанию саранской ярмарки, проходившей в августе, и осеннего конского базара. Причем его воспоминания согласуются с описаниями саранской ярмарки, данными Ф.Ф.Вигелем и И.М.Долгоруким¹², и позволяют воссоздать яркие картины жизни уездного города начала XIX в.

Порой автор с юмором повествует о событиях, свидетелем которых он был. Достаточно познакомиться с двумя эпизодами его воспоминаний, где он рассказывает о лечении пленными медиками местных жителей. Один случай касался больного еврея, которого ради смеха взялся лечить один пленный офицер, выдав себя за врача. В другой раз Ф.Ю. Зоден сообщает о лечении одного саранского обывателя, которому в ухо заполз таракан.

Не совсем тем, что описывает Ф.Ю. Зоден, можно согласиться. В его записках много поверхностных, порой несправедливых, да и просто высокомерных высказываний о России и русском народе. Его зарисовки о врожденной раболепности и природной лени русских, их беспробудном пьянстве воспринимаются с большим недоверием. Автор, безусловно, склонен преувеличивать эти пороки, якобы присущие русскому населению. Следует также не согласиться с его взглядами на существование крепостного

¹⁰ Soden F. Memoiren aus russischen Kriegsgefangenschaft von zwei deutschen Offizieren... S.109.

¹¹ Ibid. S.110.

¹² См.: Записки Филиппа Филипповича Вигеля.– М.,1892.– Кн.2.– С.67-68, 91; Долгорукий И.М. Журнал путешествия из Москвы в Нижний 1813 года.– М., 1870.– С.52-58.

права в России. Ф.Ю. Зоден пишет о том, что русский крестьянин не может быть свободным в силу своих природных качеств. Как бы не прискорбно думать, считает он, но крестьянин постоянно должен находиться под властью помещиков: *«Кто не знает господствующие в России порядки, порицает крепостное право, как пережиток средневековья, позорящий человеческое достоинство, и жалеет бедных крестьян, испытывающих произвол дворян. С удовольствием разделил бы эти человеколюбивые взгляды, не имея я возможности убедиться, что русские крестьяне еще не способны вкушать наслаждение свободой цивилизованных народов. [стр.7] Русские крестьяне ленивы, и заставить их работать можно только бичом»¹³*. Еще более нелепым выглядит рассказ Ф.Ю. Зодена о том, что крепостное право – это даже благо для крестьян: *«Во время моей прогулки по деревне я зашел в несколько крестьянских изб и осведомился у их жителей о настроении относительно их господ. Повсюду в умилении я слышал слова: «Барыня хорошая, очень хорошая!» Это излияние чувств простыми сердцами привело меня в чрезвычайно счастливое настроение и подкрепило мои впечатления об этих благородных дамах»¹⁴*. Хотя своим рассказом Ф.Ю. Зоден всего лишь пытается еще более возвысить русских помещиц, своих благодетельниц.

По воспоминаниям Ф.Ю. Зодена можно выяснить условия проживания военнопленных в Пензенской губернии и их финансовое содержание. Так, Ф.Ю. Зоден сообщает о существовании офицерских артелей среди военнопленных, которые создавались для облегчения их положения и совместного ведения хозяйства¹⁵. Неоднократно он отмечает, что выдаваемого пленным офицерам суточного денежного довольствия было вполне достаточно не только для покупки необходимых вещей и продуктов питания, но и для иных потребностей. *«Хотя офицеры нашего бывшего армейского корпуса довольствовались в России половиной бумажного рубля, – писал Ф.Ю. Зоден, – но мы, однако, совершенно не ощущали недостатка в средствах. Продовольствие было дешево, и поэтому ежедневно мы могли позволить себе горячую пищу»¹⁶*. *«Наши средства были достаточны для того, чтобы иногда пить чай или кофе и посещать питейные заведения, –* отмечает он далее¹⁷.

В своих воспоминаниях большое внимание Ф.Ю. Зоден уделяет описанию взаимоотношений военнопленных с местным населением. Причем позиция автора по отношению к нему характеризуется через призму восприятия военнопленными каждого отдельного человека. Перед нами проходит целая вереница порой безыменных представителей различных слоев населения русского общества. [стр.8] Здесь и рекрут, сорвавший

¹³ Soden F. Memoiren aus russischen Kriegsgefangenschaft von zwei deutschen Offizieren... S.115.

¹⁴ Ibid. S.129.

¹⁵ Ibid. S.107.

¹⁶ Ibid. S.103-104.

¹⁷ Ibid. S.108.

фуражку с головы Зодена, и саранская мещанка, не дававшая пленным готовить еду в печке и курить в доме табак, и купец, обманувший баденского офицера, вручив ему фальшивую банкноту, и саранские обыватели, провожавшие пленных криками «француз» и «шельма-француз», и пьяный офицер Пензенского гарнизонного батальона, постоянно оскорблявший одного пленного лейтенанта и даже нанесший ему несколько сабельных ударов. Но всегда мы чувствуем явно негативное отношение к ним автора.

Однако Ф.Ю. Зоден приводит примеры и хорошего обращения с пленными. Правда, чаще всего проявления человеколюбия и доброты идут от представителей дворянства и иностранцев, проживающих в Пензенской губернии. Наверное, иначе и быть не может. В этих описаниях прослеживается социальное происхождение автора. Ведь благородством мог обладать только человек равный ему по положению, но никак не представители низших сословий. Можно отметить «уважаемого баденского портного» Ф.-А.Эгитменера, «честного саранского полицмейстера» И.Я.Евсюкова, «добродушного учителя» Зоммера, «заботливого доктора» Эглау. Но на первое место все же следует поставить двух неизвестных нам саранских помещиц, о благородных поступках и бескорыстии которых так много пишет Ф.Ю. Зоден.

Воспоминания Ф.Ю. Зодена позволяют конкретизировать действия местных властей, соотнести циркулярные предписания из С.-Петербурга, регламентировавшие положение военнопленных, с их реальным исполнением на местах.

Следует подчеркнуть и то, что немецкие офицеры, представители стран-союзниц Франции, даже находясь в плену, продолжали с большим восторгом, благоговением и огромным почтением относиться к Наполеону. Вот, например, как описывает Ф.Ю. Зоден празднование в Саранске дня рождения французского императора: *«Приблизился день рождения того великого человека, который потряс мир и пронес свои орлы от пирамид до древней столицы царей. Несмотря на страдания и плен, все же все наши сердца были заняты Им. Его гений и талант полководца восхищал всех нас. Итак, как могли мы забыть о дне рождения человека, который вел нас к победе и славе, и которого история чествовала и осознала в качестве первого полководца столетия?! Все страдания были забыты и в настоящем ликованием и восторге [стр.9] отпраздновали мы день рождения великого человека. Такое обаяние доставляла его душа, такое восхищение его поступки. Кто в то время думал, что властитель Европы, который водрузил орлов своих победоносных легионов на Эбро и Висле, постыдно закончит убогое существование на скалистом острове в далеком океане? Печальное прошлое человеческого величия!»¹⁸*

Наконец, мемуары Ф.Ю. Зодена позволяют сопоставить сообщаемые им сведения с воспоминаниями другого офицера, обер-лейтенанта вюртембергского 2-го линейного полка Х.Л. Йелина. Судьба поразительно

¹⁸ Ibid. S.124-125.

свела их вместе во время плена, начиная от Вильно и заканчивая пребыванием в Пензенской губернии. Оба оставили записки об этом периоде своей жизни. Сопоставление двух мемуарных источников приводит к интересным выводам, которые мы пытались отразить в комментариях.

Мемуарный источник индивидуален. Он отражает позицию автора по тем или иным вопросам. Мемуары гораздо точнее и эмоциональнее передают дух повседневности, нежели чем сухой, казенный язык циркулярных предписаний или официальной переписки чиновников. Изложение событий в них более яркое, более живое.

Воспоминания Ф.Ю. Зодена отражают многие стороны провинциальной жизни, дают богатый материал по положению и содержанию самих военнопленных и, без сомнения, являются уникальным источником по истории Пензенской губернии начала XIX в.

* * *

Перевод выполнен по изданию: Soden F. Memoiren aus russischen Kriegsgefangenschaft von zwei deutschen Offizieren.– Regensburg, 1831-1832.– Bd.1-2.– S.96-155. При переводе сохранялась нумерация глав, принятая в немецком оригинале. Название публикации «Воспоминания вюртембергского офицера о его пребывании в плену в Пензенской губернии» предложено составителем и отражает сюжет переведенного текста.

Вступительная статья, перевод и комментарии подготовлены к.и.н., доцентом С.В. Белоусовым. Составитель выражает благодарность В.Н. Дударевой за ценные замечания, высказанные в процессе работы над публикацией.

Ф.Ю. ЗОДЕН

ВОСПОМИНАНИЯ ВЮРТЕМБЕРГСКОГО ОФИЦЕРА О ЕГО ПРЕБЫВАНИИ В ПЛЕНУ В ПЕНЗЕНСКОЙ ГУБЕРНИИ

– 20 –

[стр.10] ...Приказ о выступлении из Тамбова прозвучал раньше, чем мы предполагали, и застал нас врасплох. Уже 19 июня [1813 г.]¹ к нашей большой радости мы покинули этот город и направились к нашему новому месту назначения в Пензенскую губернию.

Мы сохранили наш прежний эскорт, хотя он и не приносил нам никакой пользы, а действия конвойного офицера даже побуждали нас к справедливым жалобам². Вне города мы больше не были связаны дисциплиной и каждый спешил по маршруту вперед для того, чтобы достигнуть намеченной цели. Погода была прекрасная, и 15–20 верст перехода нас не очень затрудняли. Мои исцеленные ноги теперь быстро и бодро несли меня вперед.

– 21 –

На первом от Тамбова ночлеге в деревне Тиричина (Tiritschina)³ произошла весьма возмутительная, с точки зрения человеческих чувств, стычка между офицером нашего конвоя и одним его солдатом. Пожилой и, как мы могли судить, честный ополченец отважился требовать от своего начальника будто бы давно невыплаченные деньги. В этом ему не только было отказано, по праву ли или несправедливо, но бедный ратник за свою дерзость был еще и варварским способом наказан. Этот пожилой, почти седой ополченец, который, возможно, требовал жалованье для того, чтобы избежать голодной смерти, должен был скинуть свой серый кафтан, снять рубаху и подставить свою обнаженную спину позору. Тот самый офицер, у которого этот несчастный отважился требовать деньги, встал по одну, унтер-офицер – по другую сторону и оба били старика розгами в палец толщиной так долго, пока он не получил почти 100 ударов. После совершенной экзекуции пожилой полуголодный ополченец снова натянул свой кафтан, но деньги так и не получил.

[стр.11] Мы, офицеры, рассердились на поведение русского офицера тем более, что вообще его поведение до сих пор справедливо вызывало неудовольствие. Мы одарили несчастного Ешинаева (Jeschinaï) (так звали пожилого ратника) и посоветовали ему, так как еще и через 14 дней спина у него выглядела черной, пожаловаться в Пензе на случай тиранического

поведения какому-нибудь высшему офицеру или даже самому губернатору. Старик не только пообещал, но и действительно сделал это. В свое время мы узнаем, какие последствия для него имел этот шаг.

Вблизи одного городишка, если я не ошибаюсь, он назывался Бахим (Bahim)⁴, мы вскоре стали свидетелями еще одной экзекуции, о которой я только что упоминал. Отдам честь нашему конвойному офицеру, так как ее исполнили в удовлетворение нашего оскорбления.

Мы встретили транспорт рекрутов численностью около 100 человек, который направлялся к армии. Эти будущие победители Наполеона и его войска чаще всего были хилыми молодыми людьми. Проходя мимо, они ругали нас и смеялись над нами. Мы воспринимали это в глубоком безмолвии. Вдруг со стороны идущих ко мне приблизился рекрут и сбил фуражку с моей головы. В мгновение я схватил героя и закричал о помощи. Однако товарищи попытались его освободить, что им и удалось.

Тем временем подъехал наш офицер, командующий конвоем, и спросил, что случилось. Мы рассказали ему о произошедшем. Он задал нам вопрос: «Знаем ли мы виновника?» Мы ответили утвердительно. Тогда он заставил рекрутов остановиться. Так как офицер, сопровождавший рекрутскую партию, отсутствовал, наш офицер приказал найти виновного лекаря, бывшему с рекрутами. Это тотчас и было исполнено. Поручик заставил заносчивого рекрута раздеться, извлек из дрожек (Troschke) розги и сосчитал жалкому, истощенному парню по крайней мере 100 ударов. Мы просили о пощаде, но напрасно.

Подобное усиление, назначенное для армии, встречалось нам часто. Несмотря на строгий приказ императора, с этими рекрутами обращались во время марша на их далеком пути к главному депо с большой беззаботностью. Не заботились ни о продовольствии, ни о крове для бедных людей. Русский крестьянин к своим собственным соотечественникам был так же сдержан, скуп и жаден, как и по отношению к нам, что, конечно, с того времени при прогрессе [стр.12] образования в громадной Российской империи определенно изменилось.

На нашем пути в Пензу погода благосклонно позволяла нам большую часть времени проводить на открытом воздухе. Мы готовили для себя пищу в саду или на дворе тех квартир, где останавливались постоем, потому что их владельцы не позволяли нам готовить в своих жилищах.

До сих пор мы жили сплоченно и даже весело. Нас занимали разговоры о прошлом и будущем, а также о нашей Родине. Мы очень заблуждались в наших взглядах на политические отношения, потому что имели большое доверие к Наполеону. Мы никогда не верили, что его противники перейдут Рейн. О всех других событиях старались не думать.

Мы очень стремились к цели нашего путешествия и 29 июня 1813 года⁵, наконец, достигли ее. Когда мы приближались к губернскому городу

Пензе, то внезапно были охвачены чувством, впрочем, без особого повода к этому, что нас ожидает прием более приветливый, чем в Тамбове. При вступлении в Пензу нам показалось, что ее жители ближе к немецким обычаям, чем население Тамбова. Мы не были, как в Тамбове, проведены напоказ по улицам города и по многим обстоятельствам могли полагать, что местные власти вежливее и участливее, чем там⁶.

Пенза предстала перед нами не такой, как те русские города, которые мы видели до сих пор. Она была похожа на милый сердцу немецкий город. Дома на центральной улице были красивы и построены плотно друг к другу. Несколько других улиц располагались к главной под прямым углом⁷. Мы получили в Пензе более просторные квартиры, нежели чем в Тамбове, где нас нарочно разместили в отвратительных жилищах.

Город Пенза расположен в устье Пензы на судоходной реке Суре и имеет население без малого 20 тысяч человек⁸.

В день нашего прибытия мы, офицеры, засвидетельствовали свое почтение губернатору князю Голицыну⁹ и были им приняты даже вежливее, чем мы в нашем положении могли ожидать от человека, наделенного почти неограниченной властью. Губернатор открыл нам, что из-за недостатка места наше пребывание в Пензе может оказаться [стр.13] весьма непродолжительным и нас должны отправить в уездные города губернии, где мы найдем хороший прием и останемся во все время нашего плена¹⁰. Мы выразили желание скорее добраться до места нашего пребывания. Губернатор заметил, что определенный нам на жительство город удален от Пензы почти на 120 верст, и уверил, что съестные припасы там дешевые, а жители радушные. Он обещал, что мы будем довольны. Мы повторили просьбу, как можно скорее добраться до места нашего назначения.

Во время нашего короткого пребывания в Пензе мы завязали знакомство с одним портным. Звали его Франц-Антон Эгитменер. Он был родом из местечка Бреттен, которое находилось в Великом герцогстве Баденском. Эгитменер уже долгое время жил в Пензе. Два его сына находились офицерами на русской службе. Он пользовался у русских большим уважением и имел вес у самого губернатора. У него было много друзей. С радостью Эгитменер использовал любой повод, чтобы поддержать своих соотечественников. Каждый пленный, находившийся тогда в Пензе, всегда вспоминал его с большой благодарностью. Через много лет наш правитель отметил этого портного знаком отличия в качестве общественного признания за его благородное и бескорыстное отношение к немецким и, особенно к баденским, офицерам¹¹.

После того, как узнал его ближе, я рассказал ему о жестоком обращении нашего конвойного офицера с пожилым ополченцем, указав на то, что мы пожаловались на его поведение губернатору. Но Эгитменер, который с местными нравами был знаком лучше меня, был другого мнения и поддержал действия офицера. Такая наглая и дерзкая выходка ратника привела к обычному итогу. Каждый офицер имеет право и должен наказывать своих подчиненных. Вскоре мы узнали, что предсказания

портного мастера действительно сбылись буквально. Несчастный пожилой ополченец вторично получил 100 ударов по своей черной растерзанной спине. Теперь старик был «удовлетворен» и отказался от своих дальнейших жалоб.

Хотя офицеры нашего бывшего армейского корпуса довольствовались в России половиной бумажного рубля, но мы, однако, совершенно не ощущали недостатка в средствах¹². Продовольствие было дешево, и поэтому ежедневно мы могли позволить себе горячую пищу.

После 14-дневного пребывания в Пензе мы, наконец, узнали о месте [стр.14] нашего будущего назначения. Это был уездный город С.....к (Саранск)¹³.

15 июля по данному нам приказу мы собрались в здании полиции. Здесь убедились в нашем присутствии и раздали нам денежное довольствие. В этом здании я познакомился с одним русским офицером, который, кажется, имел там особый интерес. Этот человек всегда находился в полной униформе в передней и только благодаря ему все получали доступ к судье. Этот ветеран рассказал мне, что он сражался в Швейцарии еще при Корсакове¹⁴. Ежедневно он имел половину бумажного рубля, что доставляло ему пропитание. Он наилучшим образом использовал свой пост. Если кто ему не засвидетельствует признательность, он не допускал к судье. С обывателем, который не желал воспользоваться этим хорошо известным средством, ветеран вступал в спор и сильные пререкания. Конец этой истории всегда бывал один. Спорившие мирились и шли в близлежащий трактир, где выпивали и закусывали, конечно, за счет обывателя.

Мы сердечно попрощались с портным мастером Эгитменером и 16 июля с тяжелым сердцем покинули город Пензу. Так как нас везли в повозках, то уже 18 июля мы без особых приключений достигли того места, которое нам было определено¹⁵.

– 23 –

Город Саранск лежит на равнине у маленькой речушки с одноименным названием и насчитывает от 4 до 5 тысяч жителей, которые в основном принадлежат к мещанскому и крестьянскому сословиям¹⁶. Вплотную к городу примыкают длинные земляные укрепления, которые тянутся на большое расстояние. Их называют «татарскими», так как они были воздвигнуты в ходе былых войн с этими народами¹⁷. В Саранске, как и во всех русских городах, было много церквей и колоколен. Город уже издали имел величественный вид, который приводил нас к догадке, что здесь есть много хороших домов.

Я с одним моим товарищем¹⁸ был размещен в доме одной молодой мещанки, где, скажу прямо, мы нашли далеко не дружественный прием. Однако квартира оказалась гораздо просторней и опрятней, чем в Тамбове и Пензе.

В то время как в Европе ожидалась ожесточенная борьба и должна была определиться участь народов, нам следовало признать, что наше [стр.15] положение облегчилось¹⁹. Мешала только мучительная разлука с Отечеством.

Уже утром 19 июля мы все собрались засвидетельствовать свое почтение главному чиновнику Саранска. Он носил титул полицмейстера и имел чин полковника или генерал-майора²⁰. Его дворецкий, старый француз, переселившийся в Россию в годы революции²¹, встретил нас в передней. Через некоторое время появился и сам полицмейстер. Он оказался вежливым и дружелюбным человеком лет сорока. Не зная французского языка, он использовал в качестве переводчика своего дворецкого. Полицмейстер уверил нас в своем содействии, напомнил о наших обязанностях, предупредил о том, что мы сами должны заботиться о себе, призвал нас приносить любую жалобу местным властям и уступать их решениям. Этот прием вызвал радостное чувство в нашей груди. Оно превратилось в удивление, когда всех нас на следующий день пригласили к обеду. Мы с удовольствием согласились на это приглашение. Нас очень хорошо угостили. Подавали вино, даже шампанское, а также квас – любимый напиток русских. Супруга полицмейстера немного говорила по-французски и приняла большое участие в нашем положении. Мы получили повторные уверения в нашей безопасности и разрешение посещать дом полицмейстера в любое время²².

Наша хозяйка противилась тому, чтобы мы готовили пищу в печи и курили табак. Мы должны были смириться и отказаться от этого в нашей дешевой квартире. Наша первая забота была обращена на то, чтобы привести в порядок наш небольшой бюджет и при ограниченных доходах вести обычную жизнь. Это удалось сделать при дешевизне съестных припасов. Так, фунт говядины обходился в 10 копеек или 3 крейцера, фунт хлеба – в 5-6 копеек²³. По три-четыре человека мы образовали артели и готовили пищу по разным немецким рецептам, чем часто привлекали внимание русских. Каждое такое маленькое домашнее хозяйство поручалось солдату, который выполнял все тяжелые работы, такие как колка дров и т.п. Мы жили друг с другом мирно, и наша маленькая республика развивалась²⁴.

Мы познакомились с церквями и общественными местами города и убедились, что и здесь есть определенный разряд женщин, который попадает только в больших городах Европы. Эти наглые девки с большим бесстыдством стояли на улицах среди бела дня, и их [стр.16] безнравственность и предложения были весьма популярны среди горожан.

Кроме съестных припасов 15 крейцеров мы тратили также на покупку дров, соломы и свеч. Одноконная телега дров стоила 45 копеек или 13-14 крейцеров. Наши средства были достаточны для того, чтобы иногда пить чай или кофе и посещать питейные заведения. Трактиры имеются во всех частях России и их двери отмечены императорским орлом.

Мы встретили в Саранске человека, который владел немецким языком. Его звали Зоммер. Он родился в Курляндии и был учителем²⁵. Ему было 30 лет. Он был холост и жил здесь со своей матерью. Зоммер имел чин

прапорщика и носил португею²⁶. Он был очень добродушен и любезен по отношению к нам. В течение нашего пребывания в Саранске мы посещали его почти ежедневно. В российских городах школьных учреждений было еще немного, и они были несовершенны. В большинстве деревень их не было вообще. Каждый служащий в России имел чин, который соответствовал его должности. Должность учителя стояла в большом почете, и можно было подняться до довольно высокого чина. Правда, Зоммер имел небольшое продвижение по службе, так как жители этой местности, исключая дворян, не испытывали потребности в немце.

Русские жили довольно просто. Их питание состояло из капусты, пшена и творога. Мясо на обеденном столе горожан появлялось редко. Кроме водки пили особенно много чая, который бедные сословия подслащали сиропом или медом.

– 24 –

Во время нашего пребывания в Саранске мы познакомились с некоторыми дворянскими семьями и находили у них очень дружественный прием. Я особенно хочу упомянуть дворянина Ивана Яковлевича²⁷ Шольдакена и семью Бахниц²⁸. Также познакомились мы с несколькими попами, но убедились, что их образ жизни подлежит, в общем, большому порицанию. Они почти все предавались пороку пьянства, но при этом не теряли уважения в глазах народа. Оно обычно выражалось через поцелуй руки. Хотя русские священники вступали в брак, но они все пытались иметь близость и с другими женщинами. В этих отношениях были к ним снисходительны.

[стр.17] Богослужение в церквях Саранска было простым и чаще всего состояло из одних молитв, в которых отдельные строфы, как причитания, постоянно повторялись собравшимися. Например, «Господи, помилуй!» (Gospodin, pomiluj).

Очень почитались в России врачи, в чем мы сами могли убедиться. Среди нас находились два молодых лекаря, которые во врачебной науке еще мало были сведущи. Они были завалены работой и, благодаря заработкам, их положение значительно улучшилось. Им поступали выгодные предложения остаться на постоянное жительство в этой округе. Но всегда победу одерживали любовь и привязанность к Отечеству²⁹. Один из врачей имел такую же фамилию, что и бывший с нами офицер³⁰. Это обстоятельство однажды привело к случаю, о котором я вкратце расскажу.

Как-то вечером мы все вместе в приподнятом настроении, не спеша, пили чай у доброго Зоммера. Внезапно среди нас появился один еврей и спросил доктора. Его не было с нами, но зато был офицер, его однофамилец. Едва еврей высказал свою просьбу, как офицер, выдав себя за врача, вызвался ему помочь. В обществе своего друга он тотчас отправился на квартиру еврея. Мнимый врач превосходно сыграл взятую на себя роль. Он пощупал пульс пациента, осмотрел его язык и вскоре обнаружил причину

недомогания еврея – колики. Из-за отсутствия в Саранске аптек мнимый врач прописал больному примочки и горячий чай из ромашки, который он всегда держал при себе для собственных нужд. Оба средства не достигли своей цели, и на другой день больному стало хуже. Однако через три дня врач получил от еврея гонорар, хотя страдания пациента продолжались вот уже восемь дней. Мнимый врач, ощупав еврея живот, убедился, что здесь нужна быстрая помощь. Шутка готова была закончиться трагически. Еврей не имел резиновой спринцовки для клизмы, и псевдо-врач обещал этот инструмент достать. Но сам пошел за настоящим врачом. Посредством употребления всех средств тому удалось уже через день поставить больного на ноги. Этот обман еврея так и не открыли. А оба врача, как настоящий, так и псевдо-, спокойно разделили между собой положенный за лечение гонорар.

Однажды на купца, хозяина того дома, где квартировал этот врач, в пути напали грабители. Он едва успел спустить курок уже давно заряженного пистолета. Пистолет разорвался на куски и очень сильно [стр.18] поранил его руку. Он тотчас поспешил обратно в Саранск. Оба врача взялись исцелить изувеченную руку за вознаграждение в 30 серебряных рублей. Купец был вылечен, но своего слова не сдержал. Врачи пожаловались полицмейстеру, который достойно свершил правосудие.

В другой раз один саранский житель стал уверять, что ему в ухо вполз таракан (Prusack), насекомое, которых очень много имеется во всех домах. Врач осмотрел пациента, но ничего не обнаружил. Когда жалобы на боли продолжились, врач пошел на хитрость. Он нашел таракана, взял его в руку и стал утверждать, что достал его из уха больного. Это помогло, и русский объявил, что совершенно выздоровел.

В то время в этой части России фармацевтика была еще в первобытном состоянии. Поэтому много людей становились добычей смерти.

Большим пороком русских было пьянство. Они ему предавались так, что бесчувственное состояние продолжалось несколько недель, когда у русских наступала радость опьянения или скорее попойки. В этом состоянии они охотно плакали, осыпали своих домашних поцелуями и вообще оказывались очень ласковыми. Все же этим приступам нежности доверять было нельзя, потому что русские очень хитры. Кто не уважал этот порок [пьянства], наслаждался здоровьем и достигал почтенной старости.

Чтобы мужья помнили о возвращении домой, среди русских крестьянок царил особый обычай. Когда русский ехал в город с дровами или продовольствием для их продажи и реализовывал их, то сразу посещал трактир и не покидал его раньше, пока не напивался. В этом состоянии он находил на базаре свою одноконную маленькую повозку, ложился под нее или рядом и засыпал. Жена шла в город искать мужа и обычно находила его в только что указанном месте. В городе она долго не задерживалась. Но так как жена не могла будить уснувшего мужа, то связывала ему веревкой ноги или кисти рук и затем спокойно шла домой. Когда крестьянин просыпался в таком связанном состоянии, он знал, что нужно торопиться [домой]. Он долго не колебался с отъездом и вместе с другими крестьянами спешил

обратно в деревню. Обычно при возвращении крестьяне опять спали на своих жалких телегах и полностью предавались умению ориентироваться и инстинкту своих лошадей, которые редко ошибались.

– 25 –

[стр.19] Физическая сила русских далеко не так значительна, как мы полагали. Часто нам приходилось убеждаться, что бывшие с нами пленные солдаты превосходили русских по силе.

Кто не знает господствующие в России порядки, порицает крепостное право, как пережиток средневековья, позорящий человеческое достоинство, и жалеет бедных, испытывающих произвол дворян. С удовольствием разделил бы эти человеколюбивые взгляды, не имея я возможности убедиться, что русские крестьяне еще не способны вкушать наслаждение свободой цивилизованных народов. Русские крестьяне ленивы, и заставить их работать можно только бичом. Если утром не придет сотник (Zotnik) с кнутом, то русский останется лежать на печи даже тогда, когда хорошее утро ободряет его к работе. Не достает у русского склонности и желания к работе. Поэтому он чувствовал себя большей частью несчастным, если ему давали свободу. Пока же дворяне принудительно должны были заботиться о пропитании крестьян, а последние вынуждены были на них работать и платить подати. Вероятно, все это было не по душе русским крестьянам.

Летом в уездных городах Российской империи проводились ярмарки. Одна такая состоялась и во время нашего пребывания в Саранске³¹. Дам ее краткое описание.

В первые дни августа на базаре начинается строительство лавок, похожих на те, какие обычно бывают в Германии. В небольшом и обычно тихом уездном городе вдруг обнаруживается движение и повышенная активность. В городе появляется часть прислуги помещичьего дворянства для того, чтобы все подготовить для встречи господ и на время ярмарки снять квартиры в домах горожан. Постепенно строительство лавок подходило к концу. Тогда в городе наблюдалось большое оживление и кипение жизни. По улицам проезжало и разворачивалось множество телег. Появлялись дворяне с прислугой и спешили занять нанятые квартиры.

Ярмарка продолжалась 14 дней и служила местом встреч дворянства. Это время менее использовали для приобретения необходимых вещей. Ярмарка скорее служила местом для новых знакомств и возобновления старых. И вообще, в течение этого времени только радовались жизни. На ярмарке познакомились молодые люди. **[стр.20]** Возникали любовные связи, которые зачастую заканчивались свадьбами. Замужние дамы, к которым судьба была жестока из-за пьянства их мужей, на ярмарке через приличные знакомства пытались это как-то компенсировать.

Ярмарка началась в понедельник. Мы не замедлили ее посетить. Множество повозок, расставленных вблизи базара, поразило нас. Мы робко подошли к главному входу. Едва мы вошли, как нашему взору открылся

прекрасный вид. Чаще всего в каждой лавке находилось несколько молодых дам, которые все рассматривали с большим вниманием и участием. Вид действительно прекрасного пола и изобилие товаров, выставленных для продажи, нас очень забавлял. Костюмы приезжих дворянок выдавали большую роскошь. Они обильно украшались драгоценностями и тюркскими шальями³².

Не особенно изящные экипажи тамошних дворян по местным обычаям чаще всего имеют пеструю упряжку. Она состояла из четырех лошадей, которые были разных мастей.

Из-за бедности мы покупали немного. Все же, почти ежедневно, мы посещали ярмарку, где нас радовал вид красивых еврейских, арабских и тюркских вещей. Правда, длиннородые купцы и пьяные священники приветствовали нас обращением «француз» или «шельма-француз», но мы этого не замечали. Вообще мы не жаловались на поведение жителей Саранска. Во всяком случае этому мы были обязаны доброму полицмейстеру, который обещал нам свою защиту, и свое слово держал.

– 26 –

В это время произошел отвратительный обман по отношению к пленному баденскому офицеру, который из-за своей любви к правосудию так и не смог разоблачить честный полицмейстер. Этот офицер получил от одного находившегося в Пензе штаб-офицера банкноту в 100 рублей и хотел разменять ее у одного купца на серебро³³. Солдат, которому было поручено это дело, был так неосторожен, что оставил банкноту в руках жены купца. Она сказала ему, чтобы он снова пришел завтра, так как мужа не было дома. Как ему было предложено, солдат пошел утром, чтобы забрать деньги. Но как он удивился, когда русский возвратил банкноту, сказав, что она фальшивая. Офицер тем более был поражен возвращением белого листа³⁴, что уже давно ожидал [стр.21] означенную сумму серебром и не мог приобрести не только съестные припасы, но и одежду.

Тотчас он решился известить об инциденте полицмейстера и в его лице найти помощь. Первый чиновник Саранска по принадлежащему ему праву спросил жалобщика, записал ли он номер банкноты. Офицер отрицал на том простом основании, что как несчастный пленный не считал необходимой такую осторожность. На это полицмейстер заявил, что совершенно убежден в том, что купец банкноту обменял. Но так как отсутствовали обличающие доказательства, то официально вмешаться нельзя. Офицер был обманут и должен был смириться с опрометчивой потерей своих денег. На нашем обратном пути через Пензу мы узнали, что были выявлены еще восемь фальшивых банкнот с совершенно разными номерами. Решил ли жалобщик на этом основании отстаивать свое право дальше, я не знаю. Но полагаю, что он навсегда потерял свою собственность.

Менее значимые надувательства случались и не по нашей вине. Если обманщика не обнаружить немедленно, то затем его не найдешь.

В продолжение саранской ярмарки мы завели знакомство с некоторыми присутствовавшими там дамами. Так как оно будит во мне воспоминания, которые относятся к счастливому и достопримечательному периоду моей жизни, то я чувствую себя обязанным подробно рассказать о развитии этого знакомства.

В один ясный, хороший, летний вечер мы сидели в моей квартире в уютном кругу и развлекались пением и игрой на скрипке. Тут приблизился ко мне один слуга и от имени своих хозяек, живших совсем неподалеку, пригласил нас попить чайку. Из-за плохой одежды никто не хотел принимать приглашение. Наконец, я решился на это. По приходу вид дам оставил в моей душе приятное впечатление. На французском языке я объяснил им, что исполнил их настоятельное приглашение и извинился за своих друзей. Разговор приобрел особенный интерес тогда, когда дамы узнали, что мы все немцы. Нас привела в Россию не склонность к завоеванию, а приказ нашего правителя, который не мог уклониться от требований Наполеона. Эти благородные русские проявили большое участие в нашей судьбе и сердечно пригласили меня вскоре опять посетить их с некоторыми моими друзьями, что я и обещал.

Я справился об этих дамах и узнал, что обе – жены офицеров [стр.22] ополчения, которые теперь находятся в походе. Их братья были офицерами в армии. Дамы изображались мне в высшей степени любезными, благородными и благодетельными. Их местожительство находилось в 20 верстах от Саранска и называлось К.....а³⁵.

Мои посещения сделались ежедневными, и некоторые мои друзья приняли в них участие. Нас принимал приветливо, любезно и участливо. Миловидная грация наших будущих благодетельниц восхищала нас. Рассказ о наших страданиях, особенном моем, занимал их чувства. Я заметил слезы в глазах этих дворянок и прекратил рассказывать. Они весьма посредственно говорили по-французски, а немецкий язык не знали совершенно, хотя и имели в Саратове родственника-немца. Также несведущи они были в географии³⁶. Мое описание Отечества привело их в большое удивление. Я обнаружил подобное незнание географии и у других людей, о чем позднее расскажу.

Ежедневно мы получали новые проявления их участия по отношению к нам, которые присутствовали не только в одних словах, но и в действиях. Отныне каждый немец находился под защитой людей, которые жили в другой части света, которые были отличны от нас языками, обычаями и нравами, Отечество которых мы опустошили, разрушили алтари и разорили поля. Их помощь и содействие распространялись даже на солдат. Эти благородные создания каждый день своего пребывания в уездном городе Саранске обозначали благодеянием. В их действиях отсутствовали неблагородные намерения. Только чувство благотворительности и стремление поддержать в беде двигало их шагами. Картина недавнего прошлого представлялась нам насмешкой и проклятием. Настоящее время

вручило нам людей, похожих на ангелов, способных изменить наше несчастное положение. При этой перемене судьбы мы могли восхвалять лишь провидение, которое нас так удивительно охраняло. В моей груди колыхалось благородное чувство, которое никогда не угаснет.

– 27 –

Приближалось время отъезда наших благодетельниц, и с растроганным сердцем мы расставались с ними. Перед отъездом эти дамы вручили не только мне, но и больным солдатам доказательство их сочувствия и добросердечия. Мы пожелали им благополучия и счастья.

[стр.23] Но и расстояние не изменило образ мыслей этих благородных дам по отношению к нам, несчастным. Уже спустя несколько дней отправили они нам повозку со съестными припасами, которые мы сообща употребили для нашего домашнего хозяйства. Я письменно поблагодарил их от имени моих друзей и обещал выполнить их просьбу, посетить К.....а, когда нас будет отпускать на такое расстояние полицмейстер.

Приближался день рождения того великого человека, который потряс мир и пронес свои орлы от пирамид до древней столицы царей³⁷. Несмотря на страдания и плен, все же все наши сердца были заняты Им. Его гений и талант полководца восхищал всех нас. Итак, как могли мы забыть о дне рождения человека, который вел нас к победе и славе, и которого история чествовала и осознала в качестве первого полководца столетия?! Все страдания были забыты и в настоящем ликовании и восторге отпраздновали мы день рождения великого человека. Такое обаяние доставляла его душа, такое восхищение его поступки. Кто в то время думал, что властитель Европы, который водрузил орлов своих победоносных легионов на Эбро и Висле³⁸, постыдно закончит убогое существование на скалистом острове в далеком океане?³⁹ Печальное прошлое человеческого величия!

Мы пригласили на торжество нашего праздника одного русского, жившего по соседству. Он был купцом и иногда заходил к нам. Его разговор смешил нас разными шутками. Между прочим, он спрашивал, есть ли у нас Бог? Уверяли, «да» и хороший Бог, но выглядит иначе, чем их. Этим русский был удовлетворен и успокоен. Мы хотели теперь растолковать ему, что горожане и крестьяне живут у нас счастливее, чем в России. Но он дал нам следующий комический ответ: «Я хорошо знаю, что Вы, французы, тоже имеете что-то хорошее. Например, вино и мясо. Но у Вас нет соли и хлеба. Поэтому Вы несчастнее, чем мы». Возражения и уверения в противоположном не помогли. Русский уверял, что это сообщение о нашем положении сделал священник. Мы больше не утруждали себя наставлять этого неверующего.

Недоразумение, о котором я хотел упомянуть, совершенно подкрепило его в своих взглядах. Этот русский задавал нам различные вопросы о нашей родине, ему совсем неизвестной. Среди других вопросов предположили мы, что он спрашивает о количестве евреев, живущих у нас. Мы ответили ему по нашему мнению и дополнили, что **[стр.24]** евреи – все шельмы. Русский

яростно ударил кулаком по столу и сказал, что он еще раз убедился в том, что на нас креста нет. Он с руганью и проклятиями покинул комнату, чем привел нас в большое удивление.

Мы попросили учителя Зоммера объяснить странное поведение, и вскоре загадка разрешилась. Русский спросил о числе душ (Schidili) в нашем Отечестве. Мы же полагали, что это слово по-немецки обозначает еврея (Jude).

Отныне русский держал нас за детей дьявола, и все хлопоты, представить ему о нас лучшее мнение, были напрасны.

– 28 –

Миновал август. Время действительно напомнило об обещании нанести визит в К.....а. К тому же, нас ободряли неоднократные приглашения. Дамы прислали очень удобные дрожки (Trotschke), и мы с двумя приятелями сели на них. Дорога там очень широкая, местность чаще всего ровная, и ехать в России можно очень быстро. Через два часа мы покрыли расстояние в три мили.

Село К.....а большое и находится на равнине. Оно обнаруживает больше зажиточности, порядка и чистоты, чем другие русские деревни в округе. Мы проехали через село и приблизились к усадьбе. Как все русские усадьбы, она построена в итальянском стиле. Не очень большая, но красивая снаружи. С большой радостью мы вошли во двор. Но наша бедная одежда фактически поставила нас в неловкое положение. Однако здесь знали о нашем состоянии. Поэтому мы тем более рассчитывали на снисхождение, что нас так приветливо приглашали. Мы не обманулись. Прием был сердечный и дружеский. Множество лакеев увивались перед нами со всех сторон и состязались в угощении чаем и холодными закусками. Нам показали господский дом, сады и все сельскохозяйственные строения и оборудование. Они несли отпечаток зажиточности. В слугах замечалось удовлетворение. Раболепие было всем чуждо.

По этому случаю позволю себе некоторые замечания об образе жизни и обычаях русских помещиц. Крепостное право, господствовавшее в России, позволяло дворянам по их усмотрению распоряжаться людьми, несмотря на определенные обязанности при этом. На этом основании у русских дворян находилось много слуг. Так было и у наших дам. Каждая была окружена по крайней мере двумя [стр.25] горничными, которые постоянно улавливали любое, даже легкое, желание своей повелительницы. Благодаря данному им воспитанию и многочисленным слугам русские дамы с юных лет привыкали к большому комфорту. Даже для незначительных дел, которые каждая немецкая женщина из высшего света исполняла самостоятельно, в России использовалась помощь девки (Däfka). Удобство дам простиралось так далеко, что даже те предметы, которые можно было достать движением руки, передавались каждой повелительнице девкой. Только покинет горничная комнату, как тут же госпожа ее требует. На прогулке она всегда покорно

сопровождает милостивую госпожу в некотором отдалении. Из постоянного, властного обхождения со слугой, еще не возникала взаимная непринужденность. Последний никогда не забывал, что он слуга. Отсутствие благоговения и фамильярность по отношению к своим господам восполнялись суровыми наказаниями в силу той большой власти, которую они имели над слугами.

Обед был приготовлен по немецкому способу. Нас угощали вином и квасом.

Во время моей прогулки по деревне я зашел в несколько крестьянских изб и осведомился у их жителей о настроении относительно их господ. Повсюду в умилении я слышал слова: «Барыня хорошая, очень хорошая!» Это изливание чувств простыми сердцами привело меня в чрезвычайно счастливое настроение и подкрепило мои впечатления об этих благородных дамах.

Довольный и веселый поспешил я обратно в усадьбу для того, чтобы облегчить душу. Когда я рассказал этим прекрасным дамам, как они очень любимы, они ответили, что это их обязанность поступать по-христиански и по-человечески.

Приближался час отъезда. Погода была ясная и приветливая. Поэтому мы пожелали отправиться в обратный путь пешком. Но перед господским домом уже находился экипаж, запряженный четверкой лошадей, чтобы доставить нас в Саранск. Я боялся мгновения расставания. Прощание было трогательным. Когда я расставался с дорогими, любимыми и родственными душами, то мою грудь стиснула печаль. Меня лишь успокоило их обещание вскоре опять приехать в Саранск.

7 сентября 1813 года отпраздновали мы годовщину сражения под Можайском⁴⁰. Несмотря на наше положение, достойное сожаления, мы все же были веселы и довольны. В память о наших павших [стр.26] товарищах мы сказали несколько слов, шедших от сердца и уместных в этих обстоятельствах.

Сентябрь прошел без происшествий, достойных описания. Я ежедневно поднимался по лестнице под крышу дома, где сладко дремал на постели из сена под пение или игру на флейте и чаще всего просыпался в веселом настроении.

– 29 –

В октябре в Саранске был большой конский базар⁴¹. Он сильно отличался от подобного же в Германии. Поэтому я позволю себе его краткое описание. Здесь не увидишь крестьян на жалких клячах или молодых и отбракованных коней. Евреев, которые в Германии назойливо предлагают свою помощь покупателю и продавцу, также заметно мало.

Табун из 300-400 необъезженных лошадей, пригоняемых в город из татарских и киргизских степей, собирался на близлежащем лугу. Лошади были все без упряжи, как в дикой природе. Несколько человек, сопровождавших табун, сидели на лошадях, которые не имели ни седла, ни

сбруи. Лошади, как овцы, сгонялись в определенное место и вели себя словно старые клячи. Их поведение заставляло предположить, что они жалкие и выбившиеся из сил.

К этому времени на лугу собиралась большая масса людей, отчасти из любопытства, отчасти из желания купить. Лошади оценивались и продавались по внешнему виду. В этом случае лошадь из табуна ловили следующим образом. Один табунщик бросал на шею коня длинную веревку, на конце которой была петля. Через подтягивание веревки петля захлестывалась. После этого раскрывался вход, и коня выводили. Конь, в своем диком состоянии, не позволял прикоснуться, кусался и бился так долго, пока не приходил в совершенное изнеможение. Когда это происходило, то он часто волочился на предназначенное ему место. Теперь русский начинал проявлять к этому дикому животному как строгость, так и терпение. Наконец, после длительного времени и многих стараний конь был укрощен и пригоден для своего призвания.

Пришедшим представлялось поразительное зрелище, если конь, находившийся в табуне, убежит из закрытого загона. Теперь он чувствовал себя свободно и из коровы вдруг превращался в оленя. Стоило больших хлопот опять поймать это убежавшее животное. Но эта сцена доставляла удовольствие. Так ловко табунщик спешил догнать [стр.27] беглеца на своем коне, и так хитро беглец ускользал от преследования своего противника. В такой погоне часто проходило несколько часов, пока беглец вновь не соединялся со своими сородичами. Когда он снова появлялся в табуне, то из оленя быстро вновь превращался в корову⁴².

Пребывание в Саранске теперь начинало терять все те удобства, которые до сих пор нам приносило время года. Лето и осень подходили к концу. Быстрыми шагами приближалась зима.

Мы сделали все приготовления, возможные в нашем положении, чтобы достойно отпраздновать день рождения нашего короля⁴³. Хотя недавнее прошлое представляло неприятную картину, однако будущее сияло в радужных цветах. В этот день были забыты все страдания и стерлись все печали. Под торжественный звон бокалов звучали веселые песни. В восторге от чистых и благородных чувств, переполнявших грудь, мы провозглашали здравницу нашему великодушному и сильному правителю.

Конец ноября поразил нас удивительной новостью. Бавария выступила против Наполеона⁴⁴. Все военнопленные этой нации готовились к отъезду. Саксонцы нас уже покинули. Нам было жаль расставаться с несколькими честными и добрыми товарищами баварской армии. Они были нашими братьями по несчастью, с которыми мы всегда находились в хороших отношениях. Все же они получили свободу, величайшее благо на земле, и отправились навстречу Отчизне⁴⁵. О таком счастье мы могли только мечтать. И не имели ли мы сами теперь надежды на наше скорое освобождение?

Наши благодетельницы (это почетное прозвание подобает им со всем правом) прибыли в город в последние дни ноября и уверяли, что прочитали в

общественной газете о военной декларации нашего правителя против Наполеона⁴⁶. Войско в 100 тыс. человек уже соединилось с союзниками. Поэтому мы уверенно могли ожидать наше скорое освобождение.

Одна из этих благородных дам попросила показать на географической карте нашу родину. Она оказалась пятном величиной с 12-крейцеровую монету. Добрая дама полагала, что эта страна может иметь не более 100 тыс. жителей. Русские, включая и дворян, давали нам разнообразные доказательства своего невежества в географии. Где возможно, мы пытались их наставлять и исправлять их ошибочные взгляды. Один дворянин, живший по соседству, однажды объявил нам новость, что и король Африки высказывался против Наполеона. [стр.28]

– 30 –

С декабря месяца иногда уже наступали сильные холода. Мы принимали все меры для того, чтобы наилучшим образом защититься от них.

Для своего стола мы часто покупали зайцев, которые тут все были белыми. В город их доставляли без шкурок на телегах, и они были очень дешевы. Один обходился в 10 копеек или 3 крейцера. Рядовые русские не ели зайцев. Для нас же они были лакомым кусочком⁴⁷.

Все обстоятельства подкрепляли наше предположение, что вскоре мы должны отправиться в большое путешествие. Надежда, вскоре опять увидеть прекрасную Отчизну, воскрешала наше мужество, и мы стойко переносили все трудности. Правда, русские пренебрегали стужей более чем мы, но и они также оказывались к ней чувствительны. У нас отсутствовали не только тулупы, но и другая одежда. Поэтому все боялись зимнего путешествия. Благородные жительницы К.....а доставили нам некоторую зимнюю одежду. И позднее они вручили всем нам так много доказательств своего великодушия, что, пожалуй, с полным правом могут рассматриваться в качестве наших спасительниц.

15 декабря они опять прибыли в город для того, чтобы сообщить нам о близком освобождении. С ними была их родственница, красивая, молодая девушка. Она более походила на немку, чем на русскую, и произвела на меня приятное впечатление. И я, кажется, был ей не безразличен. Но любовь к Отечеству перебороло это чувство. Одна из благородных женщин приветствовала меня на этот раз следующими словами: «Вы всегда чувствовали себя хорошо с тех пор, как я имела честь Вас видеть?» Эти слова, запечатленные в памяти, звучали из ее очаровательных уст. Выражение моего полного удовлетворения высказанным, вызвало у благородной женщины детский восторг.

В тот же самый день эти дамы, достойные уважения, уехали обратно в свое имение. Они снова оставили после себя проявление своей благотворительности, за что их должен вознаградить Бог. Мы обещали им перед нашим отъездом еще раз посетить их поместье, и сдержали слово.

18 декабря мы были вызваны к полицмейстеру. В его присутствии старый француз сообщил о нашем освобождении⁴⁸, и оба поздравили нас с

этим. Для отъезда было определено уже 20-е число этого же месяца. Поэтому мы поторопились принять необходимые меры.

[стр.29] Император Александр распорядился выделить каждому офицеру зимнюю одежду и одноконные сани. Позже каждый офицер нашего армейского корпуса должен был получить на дорогу по 100 рублей в качестве подъемных. Впоследствии мы увидим, как исполнялся указ императора⁴⁹.

Несколько дворян, среди которых были уже ранее упоминавшийся Шальдакин (Schaldakin) и саранский полицмейстер, еще до отъезда выразили нам свое внимание. По такому поводу от всего сердца мы выпили за благополучие всех добрых жителей города, в котором мы проживали в качестве пленников с 16 июля по 20 декабря 1813 года, и которые в течение этого времени всегда гуманно обходились с нами. В продолжение этого длительного пребывания мы познакомились почти со всеми горожанами. Чтобы облегчить обращение с нами, они дали нам русские имена, которые в их памяти запечатлевались легче, чем немецкие. Одного из нас звали Петр Иванович, другого – Николай Павлович и т.д.

Учитель Зоммер, который в момент нашего прибытия находился в чине прапорщика, был представлен к чину обер-лейтенанта⁵⁰.

Хотя простые русские и принимали нас за язычников, все же образцом обращения с нами были дворяне и городские чиновники. Это обращение было очень гуманно и деликатно. Хотя наше содержание и ограничивалось ежедневно 15 крейцерами, однако мы не страдали от недостатка средств и приобретали разные лакомства. Часто, находясь в веселом настроении, мы забывали в кабаке все плохое и разными благородными способами подкупали пожилого поручика полиции, который вечером, в определенный час, приказывал нам разойтись. По этой причине у нас не возникали чувства ненависти или горечи.

Наша любовь к Отечеству была священной. Однако мы не могли без умиления покинуть то место, где мы жили полных пять месяцев, и в нашем положении, обычно незавидном, не только наслаждались хорошим обхождением, но и не были лишены помощи и утешения среди образованных людей.

– 31 –

Приближался час отъезда. Нашим временным местом сбора была объявлена Пенза. Каждому офицеру были предоставлены маленькие сани, запряженные одной лошадью. 20 декабря 1813 года в 10 часов **[стр.30]** утра мы покинули город Саранск в сопровождении офицера внутренней стражи и нескольких пожилых солдат⁵¹.

Вскоре мы достигли небольшой возвышенности. Еще раз мы обратили свой взор на город, еще раз поглядели вниз на долину с тем, чтобы никогда наша память не могла забыть это место.

Был ясный, приветливый день. Солнце бросало на нас свои согревающие лучи и, казалось, что обещало нам свою благосклонность в длительном пути. «Вперед!» – прокричали со всех сторон, и резвой рысью мы поспешили с холма вниз. Город, лежащий на азиатской равнине, вероятно, исчез из наших взоров навсегда.

На следующий день мы достигли деревни Дамеока (Dameoka)⁵². Здесь несколько крестьянских саней нашего транспорта повернули в поместье благородных женщин. Мы хотели проститься с ними. Расстояние составляло 18 верст. Несмотря на плохую сбрую и жалкую упряжь, через два часа мы все же достигли места нашего назначения. В имении всех нас 12 человек приняли с радостью. Объяснение, что ныне мы навсегда должны распрощаться, привело добрых дам в печальное настроение. Оно увеличилось после слов, что наше пребывание ограничится лишь несколькими часами.

Как только предоставлялась возможность доставить нам радость, мы наслаждались благодеянием этих честных женщин. Оно струилось из их чистых сердец и не являлось следствием корысти или неблагородных намерений. Наши определенные высказывания привели благородных дам в большое удивление. Убежденные в том, как серьезно мы восприняли расставание, они с напряженной прилежностью и похвальным увлечением начали работать на всех нас. Вся домашняя прислуга была поставлена на ноги для того, чтобы снабдить несчастных немцев различными средствами против холода. Дамы разрезали свои шали (Schawls) и другие драгоценные вещи, чтобы изготовить для нас из них шапки для прикрытия ушей. Дали нам шубы, перчатки и другие полезные вещи, которые были найдены в доме. В течение всей ночи мы били зрителями усердия этих дворянок, которые руководствовались лишь чувством благотворительности и человеколюбия. Эти благородные качества простирались на людей, которые большей частью лично нашим благодетельницам до сих пор были не знакомы.

С приближением часа расставания настроение становилось все [стр.31] серьезнее и печальнее. Наконец, пробил тот незабываемый для меня час, который еще и через восемнадцать лет сильно трогает воспоминание. Мы должны были расстаться, так как не хотели подвергать неприятностям сопровождавшего нас русского офицера. В слезах мы воспринимали расставание и не находили слов, чтобы выразить нашу сердечную и глубочайшую благодарность. Еще раз мы поцеловали руки наших благодетельниц и поспешили к саням.

Было пять часов утра, когда мы покинули имение и галопом поспешили к месту нашего назначения.

Еще раз я хочу торжественно и священно объявить, что благородный порыв руководил великодушными поступками этих поистине благородных дам. Лишь их благородные чувства помогали в несчастье и облегчали человеческие страдания. Эти чувства станут дамам наградой, пока однажды основатель всего мира не призовет их в страну отцов, где они найдут обильное вознаграждение за все проявления человеколюбия, которые они

дружески и бескорыстно выражали нам и всем своим ближним. На расстоянии 400 миль я и мои товарищи по несчастью принесут Вам, уважаемые русские женщины, эти слабые порывы благодарности. Пусть они зазвучат от области у области до той части света, где Вы живете, и принесут Вам надежные вести о глубоких чувствах из наших сердец, которые угаснут только вместе с нашей жизнью. Пусть до Ваших ушей достигнут здравицы, которые мы Вам, милые существа, так часто произносили в веселом кругу. Пусть бы на азиатской равнине всякий раз провозглашали тосты за Ваше благополучие! Мы слишком слабы, чтобы отблагодарить Вас за Ваш радушный прием. Большая награда будет ожидать Вас когда-нибудь там, в стране спокойствия и тишины, где молчат ненависть, зависть, коварство и те другие страсти, которые на этой земле преходяще владеют нравами и отравляют жизнь. Будьте счастливы, пока однажды нас вновь соединит судьба с тем, чтобы нам больше никогда не расставаться.

– 32 –

В назначенное время мы достигли деревни Дамеока. Русский офицер уже был готов пуститься в путь с остальной частью транспорта. В печальном настроении из-за прошедшего расставания, без особых происшествий 27 декабря мы прибыли в губернский город Пензу⁵³.

[стр.32] Транспортные средства и квартиры, которые предоставлялись нам на основании царского указа, выделялись исправно. В Пензе мы получили довольно хорошие квартиры, по крайней мере, лучше, чем когда-то в Тамбове. Мороз был так суров, что почти невозможно было выглянуть на улицу без риска отморозить нос и уши.

Многие немецкие и французские офицеры уже собрались в губернском городе. Вместе с нами они дожидались приказа к отъезду. Мы узнали, что наше пребывание в городе может продлиться несколько недель, так как здесь было место сбора большого транспорта немецких офицеров, которые вместе должны были отправиться в долгий путь на Родину. Не могло быть более неприятного известия для нас, чем это. Мы чувствовали себя сильными и горели от страстного желания сражаться в великой борьбе за Отечество. Каждая минута, так напрасно проведенная, была для нас мучением. Со страстным желанием мы ожидали часа отъезда. Тщетно мы упрашивали губернатора князя Голицына ускорить наше отправление. Он давал холодный ответ: «Ждите! Пока не будет других распоряжений».

В последний день декабря 1813 года утром я покинул по делу свою квартиру. Вскоре мое внимание привлек слуга, присматривающий за домом и, как оказалось, с полным правом. Лишь только честный денщик (Dintschik) заметил меня, как с радостным криком поспешил ко мне навстречу: «Барыни приехали!» С радостными ощущениями, охватившими меня, я тотчас поспешил на квартиру и убедился в их присутствии. Моя радость была огромной при виде персон, которых я более не предполагал никогда увидеть. Все мои друзья разделили со мной это чувство. Эти благородные дамы

приняли приглашение губернатора приехать на бал, в надежде еще раз увидеть нас и при этом выполнить несколько дел. Расстояние от своего имени, составлявшее более 100 верст, женщины проделали в два дня. Они оставались в Пензе до нашего отъезда, и в течение этого времени изнуряли себя, несчастных, в искусстве поддерживать нас приличным способом. Я еще нашел повод рассказать читателю о благородстве и бескорыстии этих русских и убедить его, что в духовности и человеколюбии они состязались с благородными дамами нашего Отечества.

Роковой 1813 год завершал свой ход, и громадными шагами приближался его последний час. Начинался новый год, а с ним – достопримечательная глава в истории мира и человечества. С [стр.33] радостью приветствовали мы это. В радостном кругу под звон бокалов раздавались веселые песни. Отдельно мы провозглашали торжественные тосты за нашего правителя. В качестве награды за многие страдания и жизнь, в которой смерть во время опасности так часто считалась подарком, мы ожидали прекрасное будущее.

С наступлением 1814 года в Пензе собрался большой транспорт пленных⁵⁴. Нас уведомили о предстоящем отъезде и указе императора (как я уже ранее говорил), по которому каждому немецкому офицеру полагался подарок (Geschenk) в 100 бумажных рублей. Действительно, этот указ дал великодушный император Александр. Но мне жаль и, я должен признаться, что его достойное намерение было исполнено далеко не везде.

Приближалось время отъезда из Пензы. Но прежде чем мы покинули этот город, случилось одно событие, которое вызвало в груди каждого честного человека ужас и отвращение.

– 33 –

Один наш товарищ, образованный человек, жил на квартире в обществе русского офицера внутренней стражи. Этот офицер, очень подверженный пьянству, ежедневно вечером приходил домой в сильном опьянении и осыпал нашего товарища оскорбительными словами и русской бранью. Наш товарищ помнил о скором освобождении и возвращении на родину. Поэтому он укрощал свои чувства и переносил все с терпением и покорностью.

Однажды вечером, когда наш товарищ уже покинул нас, и мы также собирались расходиться, в открытые двери неистово вломился его слуга и громко заревел: «Мой господин убит!» Тотчас мы все схватились за оружие и поспешили на квартиру нашего друга. Едва мы вступили во двор дома, как нашли нашего беззащитного друга, лежащим на земле. В это время русский занимался тем, что терзал саблей безоружного, оскорбляя его словами. Многие обыватели прибежали для поддержки русского офицера. Но они оставались спокойными зрителями в полной уверенности, что тот мог уже справиться один с беззащитным военнопленным.

Когда русский нас заметил, то сделал яростное выражение лица. Но вскоре он одумался и убежал в свою комнату, которую загородил изнутри. Некоторые из нас, возмущенные этим поступком, насильно [стр.34] хотели

ворваться в дом для того, чтобы отомстить за нашего друга. Но от этого намерения мы отказались, потому что считали неподходящим заниматься самосудом. Спокойно поразмыслив, мы посчитали, что разбираться с человеком, который так низко опустился, ниже нашего достоинства.

Нашего бедного товарища доставили на другую квартиру и позволили перевязать его наилучшим образом. Он имел семь ран, большинство из которых были неопасны. Почему этот храбрец получил их не на поле битвы? Они бы служили его телу вечным украшением!

Мы приняли решение на другое утро известить об инциденте губернатора и попросить его об удовлетворении.

Наш друг имел особенно опасную рану от удара внутри коленного сустава. Мы нашли его распластавшимся на столе. Несколько врачей из нашей среды трудились, чтобы его перевязать. Он следующим образом описал нам ход событий этого печального происшествия: «Едва я спокойно прилег на охапку соломы, как в комнате появился пьяный русский офицер и начал оскорблять меня всевозможными способами. Затем он взял маленькую собачку, тихо лежавшую рядом со мной, и выбросил ее за дверь. Я тихо встал и опять приманил собачку внутрь. Тогда подвыпивший русский манерно выхватил из ножен меч (Schwert) и вонзил его в тело беззащитного немецкого воина». Мы были вправе верить этому свидетельству тем более, что наш товарищ был всегда известен, как правдивый человек.

Ранним утром следующего дня нас посетил человек, которого я всегда вспоминаю с умилением. Это был пензенский городской врач, немец, которого звали Эглау (Eglau)⁵⁵. Этот благородный человек, осведомленный о несчастье нашего товарища, предложил свои услуги принять его в свой дом, лечить и заботиться о нем как о сыне. Кто опишет нашу радость от этой неожиданной помощи! Все мы поблагодарили этого доброго человека. Мы приняли его великодушное предложение тем охотнее, что, вероятно, вскоре должны были покинуть город Пензу. Желание доброго доктора тотчас было исполнено, и раненого перенесли в его дом.

В тот же день мы послали делегацию к губернатору с тем, чтобы донести ему об отвратительном инциденте и гнусном поведении офицера внутренней стражи. Князь Голицын уже был осведомлен об этом происшествии. С отвращением он говорил о поведении этого [стр.35] офицера и объявил, что готов к удовлетворению. Когда мы спросили его о способе удовлетворения, Его Сиятельство дал нам следующее объяснение: «Господа! Я убежден, что этот офицер сильно провинился. Впрочем, он известен, как жестокий человек. Я осознаю вместе с вами величину его преступления. Я буду предлагать, чтобы его примерно наказали. Об этом происшествии нужно доложить в Петербург. Но до завершения дела ваш друг не сможет уехать, потому что без него нельзя принять решение». На наш вопрос, как долго может продлиться процесс, князь ответил, что для этого необходимо, по крайней мере, несколько месяцев. Делегация убедилась в том, что это предложение неприемлемо, так как по этой причине отъезд

нашего товарища после его выздоровления, пожалуй, мог отложиться на более поздний срок. Мы попросили князя предложить другое удовлетворение. После некоторых раздумий он объявил, что подвергнет офицера строгому четырехнедельному аресту. Это позволит исцелить нашего товарища наилучшим образом, а затем можно отправить его дальше по специальному этапу. Мы охотно одобрили это предложение, так как длительное упорство нашему другу только бы повредило. Поблагодарив губернатора, мы оставили его резиденцию и тотчас уведомили раненого товарища о результате наших переговоров⁵⁶.

– 34 –

Едва благородные дамы из К.....а, находившиеся еще в Пензе, узнали о несчастье нашего друга, то постарались изо всех сил его поддержать. В продолжение его 6-ти недельного пребывания, необходимого для исцеления ран, эти благородные женщины вручали ему постоянные выражения христианской любви и милосердия. Верные, как сестры, они ухаживали за нашим другом до его отъезда, и этим опять воздвигли памятник в наших сердцах.

Добрый доктор Эглау, этот честный немец, ухаживал за нашим другом на своей квартире до его полного выздоровления. Он отпустил его из дома не ранее, пока не предоставил ему дружественный прием. Хочется, чтобы эти несколько слов послужили доктору Эглау доказательством того, что его благородное обращение с немецким офицером не забудется, и память о нем в нас будет жить вечно!

Через двенадцать дней большой транспорт военнопленных собрался в Пензе. День отъезда был назначен на 8 января 1814 года⁵⁷.

[стр.36] Утром этого знаменательного дня перед моей квартирой вдруг остановились сани, запряженные двумя лошадьми. Из записки, которую прислали благородные благодетельницы, я усмотрел их намерение. Они посылали мне эту повозку с просьбой сохранить ее как память, и в обществе моего друга благополучно и в добром здравии вступить на ней на родную землю. Движимый этим проявлением доброты, я, однако, был очень удивлен этим обычаем. Тотчас я поспешил на квартиру дворянок для того, чтобы с ними попрощаться. Выражая им благодарность, я отклонил их предложение. Они повторили свою просьбу. Однако я все более настаивал на своем намерении, так как мы же все равно должны были транспортироваться на родину за счет государства.

Когда пробил час расставания, Екатерина С. (Katarina S.) вручила мне ларец со словами, что он содержит чай, сахар и прочее. Кроме того, она дала еще нечто, что я мог открыть лишь на ближайшей остановке. Из-за большой рассеянности эти слова я вовсе не принял во внимание. Еще раз я поцеловал руку благородным дамам и сел в стоявшие перед воротами сани, запряженные двумя плохенькими лошадьми. Никогда я не забуду мгновения прощания. Только тот, кто оказывался в подобном положении, разделит мои чувства и простит мою боль.

Также сердечно я простился и с портным мастером Эгитменером.

Местом сбора всех военнопленных был базар. Там уже находилось много карет. Чаще всего в них были прекрасные дамы, которые еще раз хотели нас видеть и присутствовать при нашем отъезде. Транспорт состоял из многих офицеров различных национальностей. Большая часть из них провела плен в Пензе. Это увеличило любопытство и наплыв множества людей. Более всего русские красавицы интересовались нами, немцами, и постоянно оказывали нам предпочтение.

Когда большая процессия тронулась в путь, то ее провожало множество саней с жителями города. К ним относились и наши благодетельницы. Они целый час ехали за нами в стороне. Теперь при трогательном прощании я навеки расстался с женщинами, которые состязались в сердечности и дружбе с настоящими сестрами. Память о них может угаснуть во мне лишь со смертью.

Едва я достиг первой станции, открыл ларчик и на дне его нашел банкноту в 50 рублей вместе с запиской, где содержалось несколько [стр.37] слов о дружбе. Это новое доказательство благородства и участия удивило и смутило меня. Меня охватили чувства, которые я не могу описать. Я дал им свободный выход, и слезы катились по моим щекам. Что было делать? Я употребил подарок для облегчения длительного путешествия, связанного со многими неудобствами, как для себя, так и для моих друзей. Я повторяю, провидение решит, что эти благородные дамы должны жить счастливо. Когда же они уйдут к отцам, души их должны оказаться в раю.

– 35 –

Несмотря на отдельные благородные воспоминания, мы, пожалуй, с тяжелым сердцем расстались с Пензой. Все же это мрачное настроение сменяли мысли, которые приближали нас к любимой родине. Но мы еще должны были преодолеть большие препятствия. Суровая стужа, скверные дороги, жалкие разбросанные деревушки и медлительность, с которой продвигался транспорт военнопленных, делали нас часто нетерпеливыми. Но наше усердие и старание освежало скорое вступление на родную землю. Мы должны были со спокойствием и смирением покориться всем напастям.

От Пензы до Тамбова мы оставались предоставленными самим себе. Достигая предназначенной для ночлега деревни, мы по двое или по трое искали прием в одном доме, готовили охалку соломы и хлопотали о пище, которую нам также давали за наличные деньги.

16 января 1814 года мы достигли губернского города Тамбова⁵⁸ ...

КОММЕНТАРИИ

- ¹ Все даты, которые встречаются в воспоминаниях Ф.Ю. Зодена, приводятся по григорианскому календарю. В Российской империи в этот период продолжали пользоваться юлианским календарем. Поэтому между теми датами, которые встречаются в иностранных источниках, в частности в мемуарах военнопленных армии Наполеона, и в русских источниках, например, переписке местных органов государственной власти, существовало несовпадение. Разница между юлианским и грегорианским календарями в начале XIX в. составляла 12 суток, что необходимо учитывать в практической работе. Так, Бородинское сражение по русским источникам произошло 26 августа, а по французским – 7 сентября 1812 г. Обер-лейтенант вюртембергского 2-го полка линейной пехоты Х.Л.Йелин, который был в том же транспорте военнопленных, что и Ф.Ю. Зоден, в своих записках указывает иную дату выхода из Тамбова: *«После недельной, скучной остановки мы были переданы русскому полицейскому офицеру, изрядно выпивавшему, и 20 июня 1813 г. покинули город в составе 120-ти офицеров»* (фон Йелин. Записки офицера армии Наполеона // Роос Г. С Наполеоном в Россию.– М.: ООО «Наследие», 2003.– С.196). Йелин (Yelin) Христоф Людвиг фон (1787 – 1861) – немецкий офицер, автор записок. Сын пастора, начал службу солдатом баденской, затем вюртембергской армии. В 1812 г. обер-лейтенант вюртембергского 2-го линейного полка. В составе 3-го сводного батальона участвовал в Бородинском сражении. 28 ноября (10 декабря) 1812 г. взят в плен в госпитале в Вильно. С июля по декабрь 1813 г. находился в плену в Саранске. По возвращении на родину вновь поступил на военную службу, произведен в капитаны. В 1815 г. участвовал в походе во Францию. Из-за болезни ног, обмороженных в России, вышел в отставку. До конца жизни состоял экономом евангелической семинарии в Тюбингене. В 1848 г. награжден званием майора. См.: Попов А.И. Йелин Х.Л. // Отечественная война 1812 года. Энциклопедия.– М.: РОССПЕН, 2004.– С.318. [стр.39]
- ² Транспорт военнопленных, в который входил Ф.Ю. Зоден, состоял из «трех батальонных шефов, трех майоров, двух гвардии Наполеона капитанов, состоящих в ранге майоров и 100 обер-офицеров с находящимися при них рядовыми 20 человеками». См.: Государственный архив Пензенской области (Далее ГАПО). Ф.5. Оп.1. Д.459. Л.6. Кроме того, в транспорте находились четверо неучтенных служителей, состоящих при штаб- и обер-офицерах (ГАПО. Ф.5. Оп.1. Д.459. Л.36,37,об). Таким образом, транспорт насчитывал 132 человека (8 штаб-, 100 обер-офицеров и приравненных к ним военных чиновников, 24 «нижних чина»). Начальником конвоя был квартальный надзиратель г.Севска, губернский секретарь Азбукин.

Конвойная команда состояла из 20 ратников Московского ополчения. Транспорт военнопленных был соединен в Тамбове из двух партий, вышедших из Минска, о чем сообщал в своем отношении пензенскому губернатору князю Г.С.Голицыну тамбовский губернатор Д.С.Шишков: «Приведенных сюда Орловской губернии города Севска квартальным надзирателем Азбукиным военнопленных, следовавших из Минска сюда 3-х батальонных шефов, 4 штаб-, 70 обер-офицеров и 9 нижних чинов за оставлением из них здесь [в Тамбове.– С.Б.] де Лярош, Ляба, Канил с денщиком, Космана, шефа Гедеуса и Лейнигера, отправил я с тем же квартальным надзирателем Азбукиным в вверенную Вашему Сиятельству губернию, предписав ему принять в свое ведение и обще с теми препровождать в Пензу же приведенных сюда из Минска прапорщиком Горевым 1 штаб-, 34 обер-офицера и 14 рядовых...» (ГАПО. Ф.5. Оп.1. Д.459. Л.5-5об). О национальной принадлежности и составе этого транспорта военнопленных см. таблицу №1. [стр.40]

Таблица №1

НАЦИОНАЛЬНАЯ ПРИНАДЛЕЖНОСТЬ И СОСТАВ ПАРТИИ ВОЕННОПЛЕННЫХ,
ПРИБЫВШЕЙ В ПЕНЗЕНСКУЮ ГУБЕРНИЮ 17 (29) ИЮЛЯ 1813 г.

Какой нации	Состав						Всего
	Строчные			Нестрочные			
	Ш.-О.	О.-О.	Н. Ч.	Ш.-О.	О.-О.	Н. Ч.	
Французы	2	30	6	–	16	–	54
Итальянцы	–	6	1	–	1	–	8
Вюртембергцы	2	10	4	–	3	–	19
Вестфальцы	–	5	2	–	1	–	8
Баденцы	2	15	9	–	3	–	29
Баварцы	1	2	1	1	–	1	6
Франкфурты	–	1	–	–	–	–	1
Бергцы	–	4	–	–	–	–	4
Швейцарцы	–	3	–	–	–	–	3
Всего	7	76	23	1	24	1	132

Примечание: Ш.-О. – штаб-офицеры, О.-О. – обер-офицеры, Н.Ч. – нижние чины

Основание: ГАПО. Ф.5. Оп.1. Д.459.

- 3 В маршрутном листе партии военнопленных Рейнского союза, которая отправилась из Пензы в Белосток в декабре 1813 г., есть упоминание о селе Преображенском, Вердеревщина тож. Оно располагалось в 48 верстах от Тамбова (ГАПО. Ф.5. Оп.1. Д.459. Л.81-82). Очевидно, именно об этом населенном пункте пишет Ф.Ю. Зоден, называя его близким по звучанию словом Тиричина (Tiritschina).
- 4 Этот населенный пункт упоминает в своих записках Х.Л. Йелин: «25 июня утром мы проходили через торговое местечко Багим, где была ярмарка, и мы все купили для себя нательные кресты» (фон Йелин. Записки офицера армии Наполеона...С.197).
- 5 О том, что транспорт военнопленных, в котором находился Ф.Ю. Зоден, прибыл в Пензу 17 (29) июня 1813 г., пишет и Х.Л.Йелин: «29 июня 1813 г. мы прибыли в Пензу, большой губернский город. Здесь нас встретили

приветливо и разместили в хороших домах» (фон Иелин. Записки офицера армии Наполеона... С.198). Об этом же сообщает в своем рапорте пензенскому вице-губернатору А.М.Евреининову начальник конвоя квартальный надзиратель Азбукин (ГАПО. Ф.5. Оп.1. Д.459. Л.6). [стр.41]

⁶ В своих записках Х.Л.Йелин так же упоминает о том, как их встретили в Тамбове: *«12 июня мы прибыли в Тамбов, наше будущее местопребывание, о котором нам рассказывали так много хорошего во время нашего путешествия. Однако нас ждало разочарование. Нас провели по городу по многим улицам, но, как мы потом убедились, только напоказ, потому что, наконец мы вернулись в то же предместье, где проходили раньше,— самое плохое,— и тут нам были указаны убогие, отвратительные помещения»* (фон Иелин. Записки офицера армии Наполеона... С.195). Интересно, что его рассказ об этом событии фактически повторяет описание Ф.Ю. Зодена.

⁷ В мемуарных источниках сохранилось несколько зарисовок Пензы начала XIX в. Вот, например, как описывает Пензу известный мемуарист I половины XIX в. Ф.Ф.Вигель: *«...Пенза на горе возвышается гордо над смиренною Сурой. Сия речка, только при устье своем достойная названия реки, в одно только время года, и то самое короткое, бывает судоходна; она робко и медленно приближается к спесивой Пензе и, не смея коснуться подошвы ея, в двух или трех верстах от нее протекает... Некогда слобода, а со времен царствования Алексея Михайловича провинциальный город, Пенза состояла тогда из десятка не весьма больших деревянных господских хором и нескольких сотен обывательских домиков, из коих многие были крыты соломой и имели плетневые заборы. Соборная каменная церковь, которая величиною едва ли превосходила многие сельские храмы, с тех пор построенные, и несколько каменных и деревянных небольших приходских церквей, служили единственным ей украшением... Двадцать лет спустя, когда при учреждении губерний, Пенза возвышена была на степень губернского города, в ней все переменилось. Правильные улицы, и из них иные мощные, украсились каменными двух- и трехэтажными домами и каменными лавками, а в них показались товары, кои прежде, хотя с трудом, можно было только выписывать из Москвы; явилась некоторая опрятность, некоторая бережливость, некоторый вкус – необходимые спутники просвещения... Вообще Пенза была, [стр.42] как Китай, не весьма учтива, но чрезвычайно церемонна; этикет в ней бывал иногда мучителен. Барыни не садились в кареты свои или колымаги, не имея двух лакеев сзади; чиновники штаб-офицерского чина отменно дорожили правом ездить в четыре лошади; а статский советник не выезжал без шести кляч, коих называл он цугом. Случалось, когда ворота его стояли рядом с соседними, то передний фореитор подъезжал уже к чужому крыльцу, а он не выезжал еще со своего двора...». См.: Записки Филиппа Филипповича Вигеля.– М., 1892.– I,4; I,18. В восприятии вюртембергского офицера*

Х.Л.Йелина Пенза предстала следующим образом: *«Пенза лежит в красивой местности на реке того же названия, здесь живет много состоятельных помещиков, и жители оказались гораздо приветливее, чем в других местах... Город вытянулся в длину, все улицы, кроме главной, не мощеные, как в большинстве русских городов, и после дождя положительно непроходимы. Однако во всех более значительных городах передвижение облегчается благодаря извозчичьим дрожкам, везущим вас куда угодно за ничтожную плату. Есть здесь также рестораны и бильярды, но очень плохие»* (фон Йелин. Записки офицера армии Наполеона... С.198).

⁸ Представление о том, как выглядела Пенза в начале XIX в., дает «Экономическое описание городов и сел Пензенской губернии», составленное в 1806 г. *«Оной город, – говорится в нем, – положение имеет большею частью на горе по обе стороны реки Пензы, речки Шелаховки и Проломного оврага, и на левых сторонах судоходной реки Суры и речки Мойки. Расстоянием от столичного города Москвы в 660-ти верстах... Чрез оной состоят 5-ть главных улиц, поперечных 7. Из коего выходят 4 тракта в смежные губернии...»* В Пензе проживало 7410 человек и насчитывалось 1936 обывательских домов, а из «публичных строений: каменных церквей 13, в том числе монастырей: мужской 1 и женский 1; казенных каменных домов 8, дворянского собрания 1, деревянных соляных амбаров 5. Обывательских лавок: каменных под домами 32, деревянных 60. Заводов: кожевенных каменных 2, деревянных 4, [стр.43] мыловаренной каменной 1, деревянной свечной 1. Скотных боен 10, градских кузниц 60. Фабрик на выгонной земле: гончарная 1, парусинная 1. Мельниц водяных мукомольных и при них пильных 2. Хлебная пристань на реке Суре 1. Лесная пристань на реке Суре в устье реки Пензы 1. В оном же городе ежегодно бывает ярмонка, называемая Петровская, на которую съезжаются июня с 20-го и торгуют по 1-е число июля из разных губерний и городов купцы и промышленники всякими товарами и галантерейными вещами, а из окружных селений с деревенскими изделиями, и привозят с партикулярных заводов разных пород лошадей. В сем же городе во весь год в недели бывает два торга по понедельникам и пятницам, на кои приезжают из окружных селений крестьяне...» (ГАПО. Ф.60. Оп.1. Д.299. Л.4-5). В 1809 г. в Пензе проживало уже 13252 человека (ГАПО. Ф.108. Оп.1. Д.114. Л.8).

⁹ Голицын Григорий Сергеевич, князь (30.10.1779 – 17.01.1848) – тайный советник (с 1819 г.). Старший сын генерала от инфантерии князя Сергея Федоровича Голицына (1749–1810) от брака с племянницей светлейшего князя Г.А.Потемкина Варварой Васильевной Энгельгардт (1757–1815). При рождении был пожалован в поручики Смоленского драгунского полка. В 1788 г. произведен в артиллерии капитаны. С января 1797 г. являлся флигель-адъютантом. В апреле 1797 г. произведен в полковники, а в июне 1798 – в генерал-майоры. 12 февраля 1799 г. был отставлен от

службы. В апреле 1801 г. при Александре I вновь принят на службу с пожалованием в действительные камергеры. С февраля 1811 по июнь 1816 г. был пензенским губернатором; действительный статский советник. В марте 1819 г. произведен в тайные советники и назначен сенатором. Из высших орденов имел орден Св.Анны 1-й ст. и Св.Владимира 2-й ст. (См.: Русские портреты XVIII и XIX вв. Издание великого князя Николая Михайловича Романова. В 5 т. Т.III.– М.: «Три века истории», 2000.– С.421-423; Федорченко В.И. Императорский Дом. Выдающиеся сановники: Энциклопедия биографий: В 2 т.– Красноярск: БОНУС; М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2001.– Т.1.– С.308–310). Ф.Ф.Вигель дает князю Г.С.Голицыну следующую характеристику: *«Старший, князь Григорий, при рождении был пожалован [стр.44] гвардии капитаном, как первенец из внуков Потемкина, то есть сыновей его племянницы. Император Павел, при вступлении на престол, сделал его, тогда семнадцатилетнего мальчика, полковником и своим флигель-адъютантом, а года через полтора генерал-адъютантом... Он лицом походил на отца, хотя был красивее его и ростом выше; не имел пылкого характера матери, но у нее заимствовал страсть первенства над мелкими людьми. Его воспитывал какой-то барон Эйбен, который, даром что немец, ни сам ничего не знал, ни его ничему не учил... Князь Григорий, будучи в генеральском чине, начал искать места пензенского губернатора [в 1811 г.– С.Б.] и получил его, вместе с дозволением каждое лето за 130 верст ездить в деревню к матери... Большая часть пензенцев были от него без памяти, и как не быть? После смутных времен Крыжановского [пензенский губернатор 1809-1811 гг.– С.Б.] им казалось, что настал для них настоящий золотой век: губернатор, еще молодой, красивый, ласковый, приветливый, принадлежащий к княжескому роду, почитаемому одним из первых в России, в близком родстве со всем, что Петербург являет высокого и знатного при дворе...»* (Записки Филиппа Филипповича Вигеля.– М., 1892.– I,14; IV,2).

¹⁰ Военнопленные транспорта, в котором находились Ф.Ю. Зоден и Х.Л.Йелин, были распределены на жительство в Городище, Мокшане, Краснослободске и Саранске. Часть пленных была оставлена в Пензе (ГАПО. Ф.5. Оп.1. Д.459. Л.19,об,23).

¹¹ В Государственном архиве Пензенской области в деле «О наблюдении за иностранцами, проживающими в Пензенской губернии» за 1812 г. удалось обнаружить следующие сведения о Франце-Антоне Эгитменере: *«Франц Антонов сын Егетмегер; немецкой нации; записан в пензенские цехи, занимается портным мастерством; имеет в городе деревянный дом; в России с 1785 года; присягал в 1796 г., паспорт имеет от Фильцбуерского посланника барона фон Ванхенбурга»* (ГАПО. Ф.5. Оп.1. Д.421. Л.12об-13). Об этом же человеке рассказывает и Х.Л.Йелин: *«Тут [в Пензе.– С.Б.] проживало несколько человек немецких ремесленников, между прочим – пензенский портной, [стр.45] баденец, оказавший много*

- дружеских услуг своим соотечественникам. Те по возвращении сообщили о нем Великому герцогу, и он по-княжески его наградил»* (фон Иелин. Записки офицера армии Наполеона... С.198).
- ¹² Денежное довольствие военнопленных основывалось на циркулярных предписаниях от 29 августа, 29 октября, 14 и 15 ноября 1812, 22 июля и 29 августа 1813 г. и зависело, главным образом, от их чина и национальной принадлежности. Циркуляр от 29 августа 1812 г. определял суточное довольствие пленных следующим образом: генералам полагалось по 3 руб., полковникам и подполковникам – по 1 руб. 50 коп., майорам – по 1 руб., обер-офицерам – по 50 коп., «нижним чинам» – по 5 коп. и, кроме того, провиант «противу солдатских дач». Деньги выдавались на 7 дней вперед (ГАПО. Ф.5. Оп.1. Д.419. Л.4-4об). В своих мемуарах пленные офицеры отмечали, что выдаваемого суточного довольствия им вполне хватало на проживание. По словам старшего хирурга главной квартиры 1-го армейского корпуса Ф.Мерсье, который во время плена находился в Саратове, *«выдаваемого... жалованья было даже более чем достаточно для удовлетворения всех насущных потребностей»* (См.: Руа И. Французы в России. Воспоминания о кампании 1812 г. и о двух годах плена в России.– С.-Петербург, 1912.– С.104). Все военнопленные отмечали дешевизну продуктов питания и иных товаров. *«Жизнь была очень дешевая, так что десяти пятаков, т.е. 15-ти крейцеров, нам вполне хватало на день»*,– писал Х.Л.Йелин (фон Иелин. Записки офицера армии Наполеона... С.199).
- ¹³ В тексте немецкого оригинала уездный город, в который должен был отправиться на жительство Ф.Ю. Зоден, сокращенно обозначен как S...k. Речь идет о городе Саранске (ГАПО. Ф.5. Оп.1. Д.459. Л.19,об,23). В дальнейшем при переводе мы будем использовать полное название этого уездного центра.
- ¹⁴ Речь идет о боевых действиях против французских войск корпуса А.М.Римского-Корсакова в Швейцарии в 1799 г. 14-15 (26-27) сентября он потерпел поражение в сражении при Цюрихе. Римский-Корсаков Александр Михайлович (1753–1840) – генерал от инфантерии. В 1799 г. генерал-лейтенант, командир корпуса. В 1806 г. [стр.46] командующий 3-й и 4-й, позднее 4-й и 5-й дивизиями. В 1807 г. командующий корпусом в составе 7-й и 10-й дивизий. С сентября 1806 по 1809 г. и с 1812 по 1830 г. литовский военный губернатор.
- ¹⁵ Х.Л.Йелин писал об этом: *«Мы, оставшиеся от нашего первоначального транспорта, попали в Саранск и, совершив путешествие туда в три дня, 18-го вечером, еще засветло, прибыли в этот город»* (фон Иелин. Записки офицера армии Наполеона... С.198). В рапорте частного пристава, находившегося в должности саранского полицмейстера, Никольского на имя пензенского гражданского губернатора указывается, что в Саранск *«доставлены и размещены по квартирам»* 18 обер-офицеров и 12

«нижних чинов» (ГАПО. Ф.5. Оп.1. Д.459. Л.44). На основании архивных источников можно восстановить имена тех военнопленных немецких офицеров, которые 18 июля прибыли в Саранск. Это капитаны К.Губауэр (Hubbauer), К.Арандт (Arandt), К.фон Цах (von Zah), Ф.Гаршер (Harscher), обер-лейтенанты Г.фон Клейн (von Klein), Ф.Майсрюммель (Meisrummel), Д.фон Бюлов (von Bulov), Х.Л.Йелин (Yelin), Ф.Ю.фон Зоден (von Soden), лейтенанты Ф.Клауер (Clauer), В.Шарнагель (Scharnagel), Ф.фон Райх (von Reuh), К.Шталь (Stahl), Э.Кун (Kuhn), хирурги В.Буркарт (Burhart), Э.Клейн (Klein), Ф.Юнг (Jung), секретарь Ф.Гюдeman (Gudemann) (ГАПО. Ф.5. Оп.1. Д.459. Л.22). Чуть позднее в Саранск прибыл лейтенант вюртембергского 4-го егерского батальона К.Гимер (Hiemer), оставленный в Пензе по болезни. Однако вскоре несколько «нижних чинов», которые являлись денщиками штаб-офицеров, оставленных в Пензе, из Саранска были отправлены в губернский центр. В общей сложности в Саранске побывало 19 обер-офицеров и 12 «нижних чинов». Из них 28 человек большую часть времени своего плена провели именно в этом уездном городе. См.: Белоусов С.В. К вопросу определения численности военнопленных армии Наполеона в Пензенской губернии // Политическая жизнь Западной Европы: античность, средние века, новое время.– Арзамас: АГПИ, 2004.– С.170.

- ¹⁶ Согласно «Экономическому описанию городов и сел Пензенской губернии», составленному в 1806 г., в Саранске насчитывалось 1179 домов (казенный – 1, дворянских – 36, домов священников и [стр.47] церковнослужителей – 45, купеческих – 171, мещанских и цеховых – 208, однодворческих – 623, разночинских – 95) и проживало 4165 человек. Город располагался в 122 верстах от Пензы. В нем было 15 каменных церквей, мужской монастырь, 7 соляных амбаров, 102 каменные и деревянные обывательские лавки, 25 кожевенных, 5 мыльных и 16 солодовенных заводов, 50 кузниц и водяная мукомольная мельница. *«Купцы и мещане сего города торги и промыслы имеют шелковыми, суконными, бумажными, пушными и протчими мелочными товарами, виноградными винами, мясами, рыбою, птицею, овощами и разным хлебом. Выделывается черная юфта и сыромятные кожи, мыло, на воскобойнях воск, солод; и продают во оном городе и по ярмонкам. Содержат постоялые дворы для проезжающих. Цехи ж упражняются в мастерствах портном, сапожном, столярном, слесарном и кузнечном. Однодворцы упражняются в хлебопашестве. Продукты ж продают во оном же городе в базарные дни... Торги бывают еженедельно по понедельникам и субботам, куда съезжаются из окружных селений с разным хлебом и деревенским изделием. В лавках же производится ежедневная продажа всяких товаров и съестных припасов»* (ГАПО. Ф.60. Оп.1. Д.299. Л.5об-6об). И.М.Долгорукий, посетивший Саранск в 1813 г., оставил следующую зарисовку города: *«Саранск, город уездной Пензенской губернии и старинной. Он всегда почитался в ней лучшим,*

что и справедливо, но при всем том был бы самой дурной в подмосковных губерниях... В Саранске нет ни реки знаменитой, ни строения хорошего, церквей мало, несколько каменных домов купеческих старомодной архитектуры. Дворянские дома все деревянные и так обветшали, что, кроме дров, ни на что не годятся; прочие обыватели живут в избах, под соломенными крышами. Но жители города гостеприимством своим и ласкою доказывают истину русской пословицы, что «не красна изба углами, красна пирогами». Долгорукий И.М. Журнал путешествия из Москвы в Нижний 1813 года.– М.,1870.– С.52. [стр.48]

- ¹⁷ Ф.Ю. Зоден пишет об укреплениях Атемаро-Саранской засечной черты, которые были воздвигнуты в XVII в. Уже в конце XVIII в. укрепления Саранской засечной черты рассматривались как достопримечательность края. В сей округе примечательным «считается вал, веденный от пригорода Атемара до города Саранска; а от одного продолженный до города Шишкеева, потому что оный в древняя времена был защитой России от кубанских набегов», – отмечалось в топографическом описании Пензенского наместничества. По отчетам археологических экспедиций остатки земляных валов этой засечной черты сохранялись еще в середине XX в. См.: Лебедев В.И. Легенда или быль: По следам засечных сторожей.– Саратов: Приволж. кн. Изд-во (Пенз. отд-ние), 1986.– С.68-76.
- ¹⁸ Можно предположить, что товарищем Ф.Ю. Зодена, с которым он проживал в Саранске, был лейтенант Э.Кун. Они вместе служили в вюртембергском 4-м линейном полку, а затем, когда из-за большого сокращения личного состава 2-3 сентября всю вюртембергскую пехоту свели в один Временный пехотный полк, оказались в одной роте 2-го временного батальона. См.: Васильев А.А., Попов А.И. Война 1812 г. Хроника событий. Grande Armee. Состав армии при Бородино.– М.: «Рейтарь», 2002.– С.17-18. Данное предположение высказано А.И.Поповым. Мы полностью разделяем его мнение.
- ¹⁹ Крупные потери, которые понесли противоборствующие стороны в ходе весенней кампании 1813 г., вынудили как Наполеона, так и союзников пойти на заключение временного перемирия. Оно было подписано 23 мая (4 июня) сроком на 6 недель, а затем было продлено еще на 3 недели. Однако обе стороны продолжали готовиться к активным военным действиям и, как справедливо заметил Ф.Ю. Зоден, в Европе ожидалась новая ожесточенная борьба, которая должна была решить участь народов. В ночь с 29 на 30 июля (с 10 на 11 августа) перемирие было прервано, и военные действия возобновились. См.: Поход русской армии против Наполеона в 1813 г. и освобождение Германии / Сб. док-тов.– М.: Наука,1964.– С.XXX-XXXII. [стр.49]
- ²⁰ В 1813 г. саранским полицмейстером был Иван Яковлевич Евсюков. Х.Л.Йелин его фамилию передает как «Этсукот» (фон Йелин. Записки офицера армии Наполеона... С.198), князь И.М.Долгорукий – «Евнонов»

(Долгорукий И.М. Журнал путешествия из Москвы в Нижний 1813 года... С.52). К сожалению, в ГАПО не удалось обнаружить послужной список И.Я.Евсюкова. Но на основании сведений, которые удалось собрать о нем, И.Я.Евсюков был старшим сыном отставного прапорщика Якова Петровича Евсюкова и его жены Натальи Никифоровны (урожд. Батюшковой). Его отец был помещиком Верхнеломовского уезда и в 1793 г. имел 159 душ крестьян обоего пола в Пензенском, Саратовском и Тамбовском наместничествах. За его матерью числилось 147 душ обоего пола в Тверском наместничестве. Жительство они имели в с.Студенке Верхнеломовского уезда. В 1793 г. И.Я.Евсюкову исполнилось 19 лет (следовательно, датой его рождения можно считать 1773–1774 годы). Он числился вахмистром Конной гвардии (ГАПО. Ф.196. Оп.2. Д.873. Л.27). В 1808 г. И.Я.Евсюков имел чин коллежского асессора и, по крайней мере, с этого времени занимал пост саранского полицмейстера (ГАПО. Ф.60. Оп.1. Д.335.Л.3). В ноябре 1811 г. за усердную службу и отличие, проявленное *«в открытии и поимке пяти разбойников, бежавших из темниковского острога»*, всемилостивейше пожалован чином надворного советника (ГАПО. Ф.5. Оп.1. Д.380. Л.293). В рапорте полковника Тимофеева пензенскому губернатору князю Г.С.Голицыну от 11 января 1813 г. он значится надворным советником и кавалером (ГАПО. Ф.5. Оп.1. Д.413. Л.44). Как сообщает И.М.Долгорукий, И.Я.Евсюков был женат на Мартыновой (Долгорукий И.М. Журнал путешествия из Москвы в Нижний 1813 года... С.52). В июне 1814 г. на посту саранского полицмейстера его сменил пензенский полицмейстер И.В.Кравков (ГАПО. Ф.6. Оп.1. Д.516. Л.304об-305).

²¹ Речь идет о Великой Французской буржуазной революции (1789 – 1794).

²² О приеме военнопленных, прибывших в Саранск, полицмейстером И.Я.Евсюковым сообщает и Х.Л.Йелин. Однако он пишет, что эта встреча произошла несколько позднее, так как полицмейстера не [стр.50] было в городе: *«На следующий день мы, все офицеры, хотели поблагодарить полицмейстера, но он уже уехал. Старый француз, гувернер детей его, принял нас очень любезно и обещал известить нас о приезде полицмейстера. Через несколько дней мы получили приказ явиться к нему к 10 часам утра. Мы оделись как можно лучше и пошли. Он принял нас очень предупредительно, выразил сожаление, что мы не застали его дома, когда являлись представиться, и потом пригласил всех обедать. До обеда мы выпили еще по несколько чашек чая и выкурили по трубке турецкого табаку, причем наш хозяин имел любезность предложить лично каждому набитую трубку. В 12 часов слуга подал хорошую наливку, что принято у русских для возбуждения аппетита; потом сели за стол. Полицмейстер, говоривший только по-русски, сидел на верхнем конце рядом с французом, жена его с детьми – на нижнем, а мы, офицеры, по обеим сторонам стола. Обед был прекрасный, и пили только вино. За десертом слуга подал полицмейстеру бокал шампанского, он встал, выпил*

за наше здоровье, а потом каждому поочередно наливали в тот же бокал, и все мы пили за здоровье полицмейстера и его жены. После обеда мы перешли в другую комнату, где уже был приготовлен кофе, выкурили там еще по трубке, выпили по несколько чашек кофе, побеседовали еще несколько времени, потом простились, и полицмейстер взял с нас обещание часто навещать его и обедать у него». См.: фон Иелин. Записки офицера армии Наполеона... С.198-199. Сведения о приеме у саранского полицмейстера, сообщаемые Х.Л.Йелином, подтверждают и архивные источники. Так, рапорт пензенскому губернатору князю Голицыну о прибытии в Саранск военнопленных от 12 (24) июля 1813 г. был подан частным приставом Никольским, находившемся в должности саранского полицмейстера, а не И.Я.Евсюковым (ГАПО. Ф.5. Оп.1. Д.459. Л.44).

- 23 В своих мемуарах многие военнопленные армии Наполеона отмечали цены на покупаемые товары. Так, Ф.Ю. Зоден писал, что фунт говядины обходился ему в Саранске в 10 копеек (3-4 крейцера), фунт хлеба стоил 5-6 копеек (менее 2 крейцеров), воз дров – 45 копеек (13-14 крейцеров). 50 копеек, которые ежедневно полагались [стр.51] пленному обер-офицеру, примерно равнялись 15 крейцерам. О доступных ценах на продукты питания в Чернигове и Пензе сообщал баварский обер-лейтенант Й.-Б.Нагель: 1 фунт свинины стоил 1,5 крейцера, 1 фунт масла – 6 крейцеров, 1 фунт баранины – 1 крейцер, 1 курица – 4,5 крейцера, 8 фунтов хлеба – 4,5 крейцера, 10 яиц – 4,5 крейцера. См.: Шмидт В. Судьба баварских военнопленных в России в 1812-1814 гг. // 185 лет Отечественной войне 1812 года.– Самара, 1997.– С.81-82.
- 24 Об организации офицерских артелей среди военнопленных с целью облегчения положения и ведения совместного хозяйства сообщает и Х.Л.Йелин: «...многие офицеры образовали так называемые артели; в такую артель соединились и мы – я, лейтенант фон Бюлов и лейтенант Рейс, взяв одного солдата. Мы останавливались по большей части в одном месте, на общие взносы закупали в городах съестные припасы и каждый день поочередно наблюдали за приготовлением кушанья, возложенным на солдата»; «...здесь [после переправы через Днепр 12 мая 1813 г. при движении транспорта военнопленных вглубь России.– С.Б.] должен был позаботиться о квартире лейтенант Рейс, но лейтенант фон Бюлов остался очень недоволен его выбором, после чего лейтенант Рейс вышел из нашей артели, а на его место был принят врач Клейн» (фон Иелин. Записки офицера армии Наполеона... С.186,191).
- 25 Учитель народного училища Зоммер упоминается в рапорте саранского полицмейстера Евсюкова пензенскому губернатору князю Г.С.Голицыну от 20 сентября 1813 г. (ГАПО. Ф.5. Оп.1. Д.459. Л.112).

- ²⁶ Очевидно, Зоммер носил чин коллежского регистратора, что соответствовало в «Табели о рангах» чину прапорщика. См., например: Шепелев Л.Е. Титулы, мундиры, ордена.– Л.: Наука, 1991.– С.83,116.
- ²⁷ *«В России есть обычай называть свое имя вместе с именем отца. Для этого к имени отца добавляют «-вич» (сын). Так, нынешнего императора зовут «Николай Павлович» (примечание издателя). Форма отчества (со старославянским [стр.52] окончанием -вич употреблялась как элемент особо почетной формы обращения (имя и отчество). После введения «Табели о рангах» употребление отчества стало согласовываться с классом чина. При Екатерине I чинов первых пяти классов писать с -вичем, чинов VI–VIII классов – полуотчествами (например, Иван Петров сын Кадомцев), а всех остальных – только по имени, без отчества. Именованье с –вичем на этом этапе было несомненным признаком дворянской принадлежности. Затем эта форма отчества стала получать все более широкое распространение в сфере частных отношений дворянства и чиновничества, а с середины XIX в. – и других сословий. См.: Шепелев Л.Е. Титулы, мундиры, ордена... С.37-39.*
- ²⁸ О взаимоотношениях между дворянами Саранского уезда и военнопленными офицерами см. также у Х.Л.Йелина: *«Благодаря любезному отношению к нам полицмейстера, мы познакомились и с другими дворянами, и потом ни одни именины, ни одно семейное празднество не обходилось без нашего присутствия... Дворяне приютили у себя некоторых из нас под предлогом обучения детей тем или иным предметам; врачи лечили и т.д. Таким образом, несмотря на свой жалкий вид, мы получили доступ в семейный круг дворян»* (фон Иелин. Записки офицера армии Наполеона... С.199). В Государственном архиве Пензенской области сведения о дворянах, названных Ф.Ю. Зоденом, не обнаружены.
- ²⁹ В партии военнопленных, которая была направлена на жительство в Саранск было не два, как ошибочно сообщает Ф.Ю. Зоден, а три военных медика: хирург баденского 3-го линейного полка В.Буркарт и два вюртембергца полковой хирург (chirurg maior) Э.Клейн и хирург Ф.Юнг. В.Буркарт умер от болезни в Пензе 20 октября 1813 г. (ГАПО. Ф.5. Оп.1. Д.459. Л.122). О том, что военные медики армии Наполеона были востребованы в России, сообщает и Х.Л.Йелин: *«Наши врачи пользовались большим успехом, потому что во время нашего пребывания здесь [в Саранске.– С.Б.] между помещиками было много больных, а в городе не оказалось ни докторов, ни аптек. Их вообще не встретишь нигде, кроме губернских городов, поэтому жители были очень [стр.53] рады, что среди пленных оказались доктора. Одному из наших врачей обещали очень многое, если он останется в России еще на несколько лет, но он все-таки предпочел вернуться на родину»* (фон Иелин. Записки офицера армии Наполеона... С.200). О своей врачебной практике в Саратове пишет и

- Ф.Мерсье. См.: Руа И. Французы в России. Воспоминания о кампании 1812 г. и о двух годах плена в России.– С.-Петербург, 1912.– С.131-132.
- ³⁰ Действительно среди военнопленных вюртембергцев в Саранске были два однофамильца: полковой хирург (chirurg maior) Э.Клейн и обер-лейтенант вюртембергского 1-го егерского батальона Г.фон Клейн (von Klein). Случай, о котором далее рассказывает Ф.Ю. Зоден в своих записках, произошел именно с ними.
- ³¹ Спасская ярмарка проходила в Саранске с 10 (22) по 26 августа (7 сентября). Как отмечается в «Экономическом описании городов и сел Пензенской губернии», на нее *«съезжаются из разных губерний и городов купцы и промышленники со всякими товарами и галантерейными вещами, а из окружных селений с деревенскими изделиями, и приводят с партикулярных заводов разных пород лошадей, а из Саратовской губернии пригоняют мелкой и рогатой скот»* (ГАПО. Ф.60. Оп.1. Д.299. Л.6).
- ³² Описание саранской ярмарки приводят в своих воспоминаниях Х.Л.Йелин, Ф.Ф.Вигель и И.М.Долгорукий. *«16 августа 1813 г. открылась здешняя восьмидневная ярмарка,– писал вюртембергский офицер Х.Л.Йелин.– В городе на площади были устроены палатки. Товары были очень дешевы и хороши. Мы, пленные, все осматривали и провели это время очень весело... Покупателей было очень много, собрались все окрестные помещики, и город в это время кипел оживлением; так как ярмарка здесь бывала только раз в год, то помещики закупали все нужное на целый год, поэтому денежный оборот был очень большой»* (фон Йелин. Записки офицера армии Наполеона... С.200). И.М.Долгорукий, побывавший на саранской ярмарке в 1813 г., оставил следующее описание: *«Между Макарьевской [в Нижнем Новгороде.– С.Б.] и саранской ярмонок тотчас откроется разница. Та для одних торговых расчетов, другая почти вся [стр.54] для удовольствия; лавки отдаются внаймы городом и расположены все в кучке, среди площади, так точно, как ряды в Москве, поелику она гораздо меньше всех важных ярмонок в государстве, следовательно, все приезжие ежечасно вместе, когда они гуляют по лавкам. К счастью нашему, погода была в то время прекрасная, что, однако же, по замечанию старожил тамошних, не всегда встречается, и это-то, может быть, привлекло сюда все дворянство Пензенской губернии. Целый день почти все толкуются в лавках, особливо женщины. Не надобно воображать, чтоб товаров, или купцов, было мало. Совсем нет: вы в Саранске найдете купить все то же, что и в Курске и у Макарья, только в меньшем числе, цены иногда дешевле, и тут выгоднее запастись можно, чем в другом месте, всем нужным. Между рукодельями российскими вы увидите тут с стеклянного Бахметьевского завода такой хрусталь, какого, кроме Англии, нигде достать нельзя. Стекло превосходно во всех отношениях: и масса его, и рисунки, и отделка, равно прелестны. Я столкнулся тут со многими знакомыми,*

коих очень давно не видал; тутошные коренные обыватели вспоминали мое время в Пензе и оказали мне искреннейшие ласки; живо вспомнил я с ними старину: с иными посмеялся, с другими поплакал. Мы тут прожили четыре дни, кроме того, в которой приехали. Ярмонка обыкновенно кончается дни два спустя после Успеньева дни [в XIX в. Успение отмечалось 15 августа.– С.Б.], по прошествии праздника Нерукотворенного Образа, во имя которого выстроен здешний собор» (Долгорукий И.М. Журнал путешествия из Москвы в Нижний 1813 года... С.53). Ф.Ф.Вигель, посетивший саранскую ярмарку в 1804 г., так описал ее: «Она обыкновенно бывает в половине августа, около Успеньева дня, вскоре после Макарьевской, которая от нее была недалеко и оканчивалась тогда к 1 августа. Все на сей последней нераспроданные товары привозились на саранскую, где и продавались дешевле, отчего она была богаче и многолюднее пензенской. Сверх того, в уездных городках, на небольшом пространстве, в хорошее время года ярмарки всегда бывают живее, кипучее, чем в губернских городах; на них что-то похожее на лагерное [стр.55] житье, или на ту беззаботную, бесцеремонную жизнь, которую ведут на минеральных водах. Несколько дней, проведенных там с моим семейством, чрезвычайно возвеселили дух мой» (Записки Филиппа Филипповича Вигеля... II,6).

- ³³ Офицеры баденской службы во время плена получали содержание благодаря вексям (примечание издателя). Так, в сентябре 1813 г. на имя «коменданта артиллерии» Л.Фишера были присланы 7000 рублей ассигнациями для раздачи всем баденским офицерам (ГАПО. Ф.5. Оп.1. Д.459. Л.101,103). Но случай, описанный Ф.Ю. Зоденом, очевидно произошел с баварским капитаном Ф.Гаршером, который получил деньги (107 рублей 69 копеек) как раз во время ярмарки, проходившей в Саранске (ГАПО. Ф.5. Оп.1. Д.459. Л.100-100об). В 1813 г. курс ассигнационного рубля равнялся 25,2 копейки серебром. Однако соотношение между бумажными и металлическими деньгами устанавливалось частными лицами, а не правительством. Из-за этого имели место постоянные колебания курса ассигнаций. См.: Малышев А.И. и др. Бумажные денежные знаки России и СССР.– М.: Финансы и статистика, 1991.– С.26-27.
- ³⁴ Русские банкноты имеют различные цвета. До суммы в 5 рублей они синего цвета, от 5 до 10 рублей – красного, все другие – белого (примечание издателя). Действительно, государственные ассигнации 1786-1818 гг. выпуска в 5 рублей имели темно-синий цвет, в 10 рублей – розовый, в 25 рублей – кремовый, в 50 и 100 рублей – белый (Малышев А.И. и др. Бумажные денежные знаки России и СССР... С.322-328). Ф.Ю. Зоден называет банкноту в 100 рублей «белым листом» из-за ее цвета.
- ³⁵ К сожалению, в своих записках Ф.Ю. Зоден нигде не называет имен этих дворянок и место, где находилось их имение. По отрывочным сведениям, которые он сообщает (женщины являлись женами офицеров ополчения;

- их братья были в армии; село К.....а, где располагалось их имение, находилось в 20 верстах от Саранска; одну из женщин звали Екатерина С.), можно предположить, что речь идет о с.Константиновке, где в начале XIX в. свои имения имели Е.С.Смагин и И.В.Сачков. Прапорщик Ефим Смагин действительно числился в 1-м пехотном полку Пензенского [стр.56] ополчения. См.: Апухтин В.Р. Очерк формирования дворянством Пензенской губ. и действий ополчения в Отечественную и освободительную войны 1812-1814 гг.– М.,1912.– С.16.
- ³⁶ Ср. Йелин: *«О политике мы не знали почти ничего, потому что не могли читать русских газет, а то, что слышали, было совершенно извращено или ложно, благодаря слабым географическим познаниям рассказчиков»* (фон Иелин. Записки офицера армии Наполеона... С.199-200).
- ³⁷ Речь идет о Наполеоне, который родился 15 августа 1769 г. См.: Троицкий Н.А. Наполеон // Отечественная война 1812 года. Энциклопедия.– М.: РОССПЕН, 2004.– С.493-495. *«Пронес свои орлы от пирамид до древней столицы царей»* – в этом отрывке Ф.Ю. Зоден имеет ввиду Египетский поход Наполеона 1798-1799 гг. и захват Москвы в 1812 г.
- ³⁸ *«...который водрузил орлов своих победоносных легионов на Эбро и Висле...»* – Ф.Ю. Зоден, очевидно, намекает на русско-прусско-французскую войну 1806-1807 гг., когда после Тильзитского мира было образовано Великое герцогство Варшавское, и завоевание Испании, где находится р.Эбро.
- ³⁹ 22 июня 1815 г. после поражения при Ватерлоо Наполеон вторично отрекся от престола и был сослан на о.Св.Елены в Атлантическом океане под строжайший надзор британских властей. На этом острове он и скончался 5 мая 1821 г.
- ⁴⁰ Ф.Ю. Зоден имеет ввиду Бородинское сражение, которое состоялось 26 августа (7 сентября) 1812 г. В этой битве принимали участие многие военнопленные офицеры, находившиеся в Саранске. Сам Ф.Ю. Зоден сражался при Бородино в составе 2-го временного батальона Временного пехотного полка, в который была сведена вюртембергская пехота накануне сражения. См.: Васильев А.А., Попов А.И. Война 1812 г. Хроника событий. Grande Armee. Состав армии при Бородино.– М.: «Рейтарь», 2002.– С.17-18.
- ⁴¹ Х.Л.Йелин полагает, что конский базар был в августе в то время, когда в Саранске проходила ярмарка (фон Иелин. Записки офицера армии Наполеона... С.200). В «Экономическом описании городов [стр.57] и сел Пензенской губернии» также упоминается, что во время саранской ярмарки *«приводят с партикулярных заводов разных пород лошадей, а из Саратовской губернии пригоняют мелкой и рогатой скот»* (ГАПО. Ф.60. Оп.1. Д.299. Л.6). Других сведений о проведении в Саранске конского базара в Государственном архиве Пензенской области не обнаружено.
- ⁴² Ср. описание конского базара у Йелина: *«Главным образом нас привлекала конская ярмарка; лошадей было очень много и среди них замечательно*

хорошие; были целые табуны степных коней, свободно стоявших в изгородах. Когда являлся покупатель и облюбовывал одну из лошадей, продавец садился на объезжанную лошадь и выезжал за ограду. Табун сбивался в кучу, головами в середину и бил задними ногами, когда к нему кто-нибудь приближался, но у продавца на длинном шесте была прикреплена петля, он ее набрасывал на голову лошади, которую хотел поймать, и спокойно выводил ее к покупателю. Тут были жеребцы, казалось, проявлявшие своим гордым видом, что осознают свою красоту, и всех их продавали за ничтожную цену: 50, 80, 100 рублей ассигнациями» (фон Иелин. Записки офицера армии Наполеона... С.200).

⁴³ Речь идет о короле Вюртемберга Фридрихе I, родившемся 6 ноября 1754 г. См.: Роос Г. С Наполеоном в Россию.– М., 2003.– С.95. Фридрих I (1754-1816) – сын и наследник герцога Вюртембергского Фридриха-Евгения. С 1777 г. состоял на прусской военной службе. В 1783 г. совершил поездку в Италию вместе со своей сестрой, Марией Федоровной, и ее мужем великим князем (впоследствии императором) Павлом Петровичем. Затем был назначен Екатериной II генерал-губернатором русской Финляндии. В 1787 г. отказался от этого поста. В 1797 г. после смерти отца становится герцогом Вюртембергским под именем Фридриха II. В 1802 г. после заключения в Париже мирного договора с Наполеоном получил курфюршеское достоинство. 1 января 1806 г. провозгласил себя королем под именем Фридриха I. В 1806 г. Вюртембергское королевство присоединилось к Рейнскому союзу. Вюртембергские войска принимали активное участие в военных походах Наполеона. Лишь после «битвы народов» под Лейпцигом Фридрих I стал искать [стр.58] сближения с союзниками и заключил с ними 2 ноября 1813 г. Фульдский договор, по которому переходил на их сторону, за что союзники гарантировали ему сохранение его территории и власти.

⁴⁴ Бавария заключила союзный договор с Австрией 26 сентября (8 октября) 1813 г. К нему присоединилась также и Россия. Через несколько дней (1 (13) октября 1813 г.) Бавария присоединилась к антинаполеоновской коалиции. Баварские войска приняли участие в боях за изгнание наполеоновских войск из Германии в октябре – декабре 1813 г. См.: Поход русской армии против Наполеона в 1813 г. и освобождение Германии... С.470.

⁴⁵ В Саранске находились два пленных баварских офицера. Это капитан баварского 8-го линейного полка Ф.Гаршер и лейтенант баварской артиллерии В.Шарнагель. В своем рапорте пензенскому губернатору князю Г.С.Голицыну от 15 (27) ноября 1813 г. саранский полицмейстер И.Я.Евсюков писал: *«...находящиеся в городе Саранске в числе военнопленных баварской службы капитан Феликс фон Гаршер и поручик Валентин Шарнагель по снабжении их семидневною выдачею на продовольствие сего ноября по 20-е число за присмотром Саранской служащей инвалидной команды унтер-офицера Лазутина к пензенскому господину полицмейстеру Крафкову от меня отправлены. Кроме ж*

означенных Гаршера и Шарнагеля баварской службы как офицеров, так и нижних чинов, по городу Саранску в числе военнопленных за учиненною мною выправкою не оказалось» (ГАПО. Ф.5. Оп.1. Д.460. Л.14). Всего в Пензенскую губернию было определено на жительство 19 пленных баварцев (2 штаб-, 8 обер-офицеров и 9 «нижних чинов»). Все они были освобождены из плена на основании циркулярного предписания от 17 (29) октября 1813 г. (ГАПО. Ф.5. Оп.1. Д.460. Л.1).

⁴⁶ Королевство Вюртемберг присоединилось к антинаполеоновской коалиции 14 (26) октября 1813 г., а 2 ноября был заключен т.н. Фульдский договор. См.: Отечественная война 1812 года. Энциклопедия.— М.: РОССПЭН, 2004.— С.832.

⁴⁷ Ср. с воспоминаниями самарского городничего И.А.Второва в передаче его биографа де Пуле: *«Пленные [в Самаре.— С.Б.] [стр.59] размещены были по квартирам, на каждой по два человека; офицеры в особых комнатах, а рядовые вместе с хозяевами. Некоторые хозяева в офицерских квартирах испортили печи, выставили окна, другие не давали дров для топки. Хозяева солдатских квартир не давали своим постояльцам не только посуды и воды, но даже сена и соломы, оправдываясь тем, что французы опоганят посуду, **ибо они едят зайцев и никогда не крестятся**»* [выделено жирным шрифтом нами.— С.Б.]. См.: Государственный архив Самарской области (Далее ГАСамО). Ф.803. Оп.1. Д.191. Л.227.

⁴⁸ Военнопленные королевства Вюртемберг были освобождены на основании циркулярного предписания от 11 (23) ноября 1813 г. (ГАПО. Ф.5. Оп.1. Д.463. Л.1), военнопленные Рейнского союза, в том числе вестфальцы, баденцы и бергцы – на основании циркулярного предписания от 28 ноября (10 декабря) 1813 г. (ГАПО. Ф.5. Оп.1. Д.463. Л.28).

⁴⁹ Ср. Йелин: *«Император Наполеон раздал каждому из русских офицеров, находившихся пленниками во Франции, по 100 франков, в виде рождественского подарка. Император Александр пожелал сделать то же самое и приказал выдать всем пленным по 100 руб. ассигнациями, что составляло приблизительно одно и то же. Губернаторам было приказано выплатить все пленным назначенную сумму. Поэтому мы обратились к пензенскому губернатору, князю Голицыну, через посредство немца-портного, пользовавшегося благосклонностью губернатора; [Ф.-А.Эгитменера.— С.Б.] однако выдачу нам денег откладывали со дня на день. Наконец, вследствие наших настояний, каждому из нас выплатили по 50 руб. ассигнациями, под тем предлогом, что мы отправляемся домой и деньги нам теперь не нужны, остальные 50 руб. были удержаны и попали в карман губернатора, как оказалось впоследствии, потому что мы расписались в получении ста рублей, как объяснил нам после иллирийский офицер, знавший русский язык»* (фон Йелин. Записки офицера армии Наполеона... С.201). Действительно, все военнопленные немецкие офицеры, отправлявшиеся домой, получили от

- Пензенской [стр.60] казенной палаты по 54 рубля 70 копеек, которые предназначались на покупку зимней одежды для них (ГАПО. Ф.5. Оп.1. Д.463. Л.17,91,103-108).
- ⁵⁰ Учитель саранского народного училища Зоммер, носивший чин коллежского регистратора, очевидно, был представлен к следующему для гражданских чиновников по «Табели о рангах» чину губернского секретаря. См.: Шепелев Л.Е. Титулы, мундиры, ордена.... С.116.
- ⁵¹ В своих записках Х.Л.Йелин отмечает, что военнопленные покинули Саранск не 20-го, а 24 декабря 1813 г. См.: фон Иелин. Записки офицера армии Наполеона... С.201.
- ⁵² Местонахождение деревни Дамеока не установлено.
- ⁵³ Х.Л.Йелин пишет, что военнопленные, находившиеся в плену в Саранске, прибыли в Пензу 25 декабря 1813 г. (фон Иелин. Записки офицера армии Наполеона... С.201). Он, так же как и Ф.Ю. Зоден, отмечает, что в это время стоял сильный мороз.
- ⁵⁴ Транспорт военнопленных различных немецких государств, в который вошли Ф.Ю. Зоден и Х.Л.Йелин, состоял из 97 человек (4 штаб-, 56 обер-офицеров и 39 «нижних чинов»). См.: ГАПО. Ф.5 Оп.1. Д.463. Л.79-80.
- ⁵⁵ В Государственном архиве Пензенской области в деле «О наблюдении за иностранцами, проживающими в Пензенской губернии» за 1812 г. сведения о докторе Эглау отсутствуют (ГАПО. Ф.5. Оп.1. Д.421).
- ⁵⁶ Случай, о котором рассказывает Ф.Ю. Зоден, без всякого сомнения, произошел с лейтенантом вюртембергского 4-го полка линейной пехоты Ф.фон Райхом (von Reuh). В результате архивных поисков удалось выяснить, что только один немецкий офицер, а именно вюртембергской службы лейтенант фон Райх, был оставлен в Пензе по болезни (какой именно не сообщается) вместе с одним солдатом. Лейтенант Райх был отправлен домой с военнопленными кроатами, далматами, иллирийцами и пленными других наций 23 февраля 1814 г. (ГАПО. Ф.5. Оп.1. Д.463. Л.109; Д.512. Л.21). [стр.61]
- ⁵⁷ 8 января 1814 г. как день отъезда партии военнопленных из Пензы называет и Х.Л.Йелин. Ср.: «...наконец 8 января 1814 г. мы выехали из Пензы, и так как во время нашего пребывания там были освобождены все немецкие офицеры, то в транспорте оказалось пятьдесят человек офицеров» (фон Иелин. Записки офицера армии Наполеона... С.201).
- ⁵⁸ Ср. Йелин: «15 января мы были в Талинке, 16-го – в Тамбове, где нам пришлось опять остановиться на двенадцать дней» (фон Иелин. Записки офицера армии Наполеона... С.202).